

Хранительница разума и знанья,
Характер чуткий, добрый и живой.
И нет скромнее и трудней призванья,
Благословенен, светел подвиг твой!

На снимке Федора Машечко
Заслуженный работник
культуры России, директор областной
научной универсальной библиотеки им. А.С. Пушкина
НИНА СТЕПАНОВНА ЛАПЕНКОВА.

Вначале было Слово...

Читинская литературная

№ 13 Декабрь 1997 г.

Литературно-художественное приложение к газете «Азия-Экспресс»

Друзья-читинцы! Земляки-забайкальцы!
Желаю вам в Новом году крепкого сибирского здоровья, семейного благополучия, свершения жизненных планов, добрососедства в быту и творческого дерзания на работе.
Постоянный и заинтересованный читатель "Читы литературной". Глава Администрации Читинской области
Равиль Геннатулин
31 декабря 1997 г.

КРАСНАЯ СТРОКА

В Санкт-Петербургском издательстве "Четверг", в серии "Миниатюрная библиотека поэзии", вышла первая книжка читинской школьницы Ольги Шибер "Облака". Очень сложно бывает делать какие-то прогнозы, когда речь заходит о молодых поэтах, — а Ольге всего пятнадцать лет, и учится она в читинской средней школе № 32 в одиннадцатом классе, — но вот именно здесь слишком очевидная, ясная картина: в забайкальскую литературу пришел интересный поэт.

Это, наверное, звучит очень непривычно — писать такое о совсем еще юной девушке, но приходится признать, что малюсенький поэтический сборник "Облака", изданный тиражом в 100 (!) экземпляров, для многих взрослых поэтов был бы завидным достижением. Мы не боимся "перехвалить", "испортить" чрезмерно добрым отношением юного автора — к счастью, сама Оля Шибер относится весьма критически к себе и к своим стихам, — мы просто надеемся, что в это сложное, трудное во всех отношениях время у нашего города найдется возможность поддержать талантливого человека не только добрыми словами, но и чем-то более существенным. Мы же, со своей стороны, внимательно будем следить за работой юного поэта, будем радоваться его новым успехам, расти вместе с ним.

Ольга Шибер

В этой стране православные церкви
звоном — всю душу насквозь.
В этой стране я давно уж, поверьте,
стала счастливой всерьез.
В этой стране мной любимые люди
душу согрели навек.
Рядом со мой здесь
всю жизнь мою будет
самый родной человек.
Все, что для жизни, для счастья,
для чувства
надо мне — все это здесь:
литература, и школа, и русский...
Только вот нечего есть.

***

Я замерзну, наверно, от снежности,
под метельным,
блуждающим взглядом.
Вы укроете шалью из нежности
мои плечи, и сядете рядом.
Даже стойкие ветки, как перышки,
задрожат этой ранней ранью.
Так и будем сидеть —
два воробушка,
согревая друг друга дыханьем.

ВЕЧЕР

Все за окном серебристое,
ни птиц, ни листьев — никого.
И на коленях спит пушистое
и ласковое существо.
Стекло дыханьем затуманилось,
и мягок, ненастойчив свет.
Душа согрелась и раскаялась
впервые за десяток лет.
Кого-то будет ждать с дороженьки
с любовью вечною жена,
ну, а меня, спасибо Боженька,
котенок.
Тот, кому нужна.

***

Чита и осень вечно будут вместе.
Весь город наш —
как листик на свету.
Чита сегодня утром, как невеста,
Надела листопадную фату.

Марина Горбунова

Да, ты мой принц и ты —
мое начало,
Начало веры в жизнь.
В людей, в себя.
Я без тебя и жить не начинала,
И не жила совсем бы без тебя...

Ты появился как бы между прочим,
Как дождь пролился
в пыльный жаркий день,
Как солнца луч среди
холодной ночи,
Как выход в лабиринте голых стен...

Ты покорил меня своей улыбкой,
Своей несказанной добротой,
Прощая, даже глупые ошибки,
Увел меня, гордячку, за собой!

И так, мой принц,
моей весны начало,
Мой верный друг,
поверивший в меня.
Я поняла, что жить не начинала,
А как же я любила б без тебя?

***

...Когда замолкнет звук твоих шагов
И дверь захлопнется.
Как будто бы случайно,
Я вдруг пойму — потеряна любовь,
Потеряна, как камешек. Нечаянно.

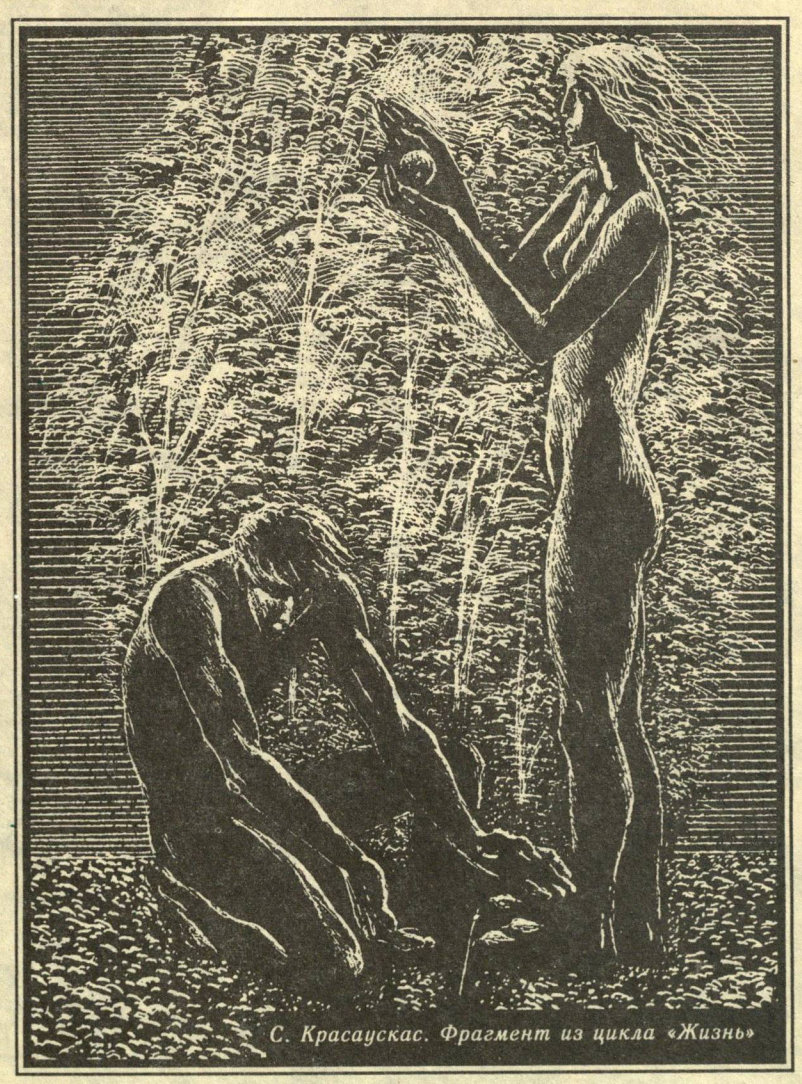
И кто из нас с тобою виноват?
Мы оба сохранить не захотели
Любовь свою от горя и утрат,
И свечи просто-напросто сгорели.

Покрылась дымкой прошлая любовь
И улетела в дали синей птицей,
А из крыла ее сочилась кровь
И капала на совести страницы.

Она упала, как сраженная из лука.
Нам не вернуть ее. Окончен спор.
Но почему, за что же эта мука?

МАМЕ

Когда ветер подует в ненастье,
Пригибая деревья к земле,
Я помчусь, отвращая несчастья,
Через все расстоянья к тебе.
Полечу всем буранам навстречу,
Брошу вызов судьбе—ну и пусть!
Жди меня, за один только вечер
Я приду, приплыву, примчусь!
Разгоню тучи над головою,
Иссушу струи полные слез,
Я тебя одеялом укрою
Из ночных удивительных звезд.
И, носимая где-то ветрами,
Я к руке твоей тихо прижмусь
И скажу: "Вот и я. Здравствуй, мама,
Я всегда обещала—вернусь!" ■

С. Красаускас. Фрагмент из цикла «Жизнь»

"ПОЭЗИЯ — ДУШИ ДВИЖЕНЬЕ"

Под таким лозунгом проходил второй городской конкурс молодых поэтов, посвященный Международному дню студента. Более двадцати участников прошли отборочный тур и предоставили жюри свои стихи. "Стихи преисполнены лиризма и любви к родной земле, тематика их не банальна, а мастерство выше прошлогоднего", — сказала Т.В. Воронченко, доктор филологических наук, председатель жюри.

"Муха села на варенье. Вот и все..." Нет, это еще не все стихотворенье. Сомненье, мученье, откровенье, — подбирали ребята, участники и "неучастники", по просьбе корреспондента рифму к слову стихотворенье, не забывая, конечно, и об оригинале. Для студентки Ирины Яковлевой это слово оказалось в категории почти священных и недосягаемых. "Какую рифму ни возьми — все пошло", — говорила она. И на суд жюри читала два разных по тональности стихотворения: возвышенно-лирическое и гневно-патетическое. Свое участие в конкурсе объясняла желанием са-мо-ак-туализации.

Зал собрал немало зрителей: одни пришли "на своего" поэта. Другие — чтобы поддержать друзей, а были и потенциальные участники вечера поэтов будущего года. Они тоже почему-то волновались, возможно, представляя и себя у трибуны. Прошлогодние участники чувствовали себя более уверенно. И читали новые стихи.

Звучали строчки о любви и ненависти, добре и зле, о счастье, о природе; лирические, философские, разные. Выступали читинские барды. Изящные переводы английских и французских поэтов, сделанные деканом факультета иностранных языков О.В. Стельмак и Юлией Анохиной, тонко вписывались в духовное настроение вечера. Когда же "отчитался" последний поэт и жюри удалилось для подведения итогов, зал запел под гитару, не выдержав лирического напряжения. Жюри выявило победителей. Первое место было предоставлено Юлии Рэисс на радость ее маме, пришедшей поболеть за свою дочь, второе — школьнице Ольге Шибер, у которой этим летом вышел первый сборник стихов. Лауреатами конкурса названы еще пять молодых поэтов. Призы предоставила городская администрация.

Мама победительницы, человек с мудрыми понятиями о жизни, с удивлением заметила поразительное противоречие. Как все-таки это странно: время к написанию стихов не располагающее, а тем не менее, вот они — молодые таланты! Возможно, это истина, возможно, просто тема для философского стихотворения. Может, кто-нибудь его напишет?

Г.К.

ЧИТИНСКОМУ МУЗЫКАЛЬНОМУ УЧИЛИЩУ—40

«В музыке, как в любви, нужно быть искренним».
Дж. Верди.

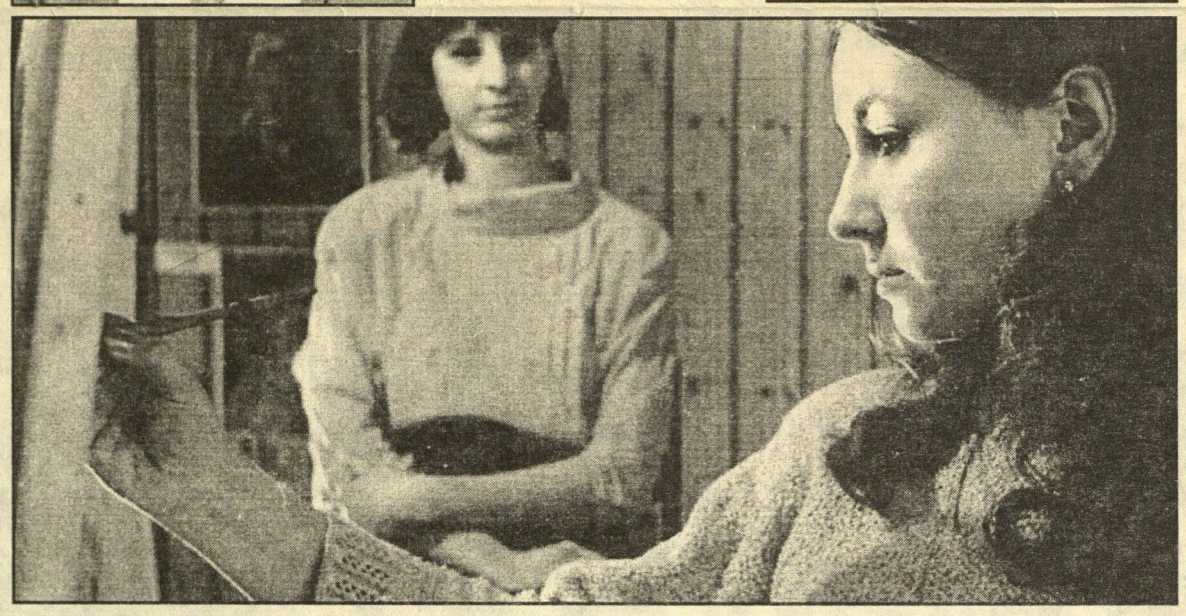

Каждый очередной выпуск в училище—это еще один отряд профессиональных музыкантов–педагогов и будущих концертных исполнителей–пианистов, концертмейстеров, вокалистов, дирижеров оркестров и хоров, преподавателей–теоретиков, художников–дизайнеров.

Педагоги
Ирина ВОЛОЩУК (справа)
Наталья САВИНА

Фоторепортаж Виктора ДИАНОВА.

Валентина Астраханцева

СКАЗКА САМОГО КОРОТКОГО ДНЯ

Первые лучи зимнего солнца заглянули в окно. Сегодня 22 декабря — самый короткий день года.

По бледно-голубому, выцветшему от мороза небу, плывут редкие облака. Солнце поднимается выше, и заснеженные сопки, отражая его свет, становятся золотистыми.

Можно прямо из окна увидеть сказку. Представляю: солнце — это добрый волшебник, который приносит свет и тепло, тучи — прислужники злого колдуна, который превратил богатыря в черный камень. Чтобы никто не заметил воина, а если и заметил, то отвернулся и прошел мимо.

Но солнце, доброе и ласковое отогревает даже камень, делает его своим светом красивым, чтобы люди обратили на него внимание и полюбили. И среди людей нашлась бы такая, которая, не взирая ни на что, поняв сердцем, что это не камень, а прекрасный юноша-богатырь, подошла и поцеловала его. И тогда... Нет, тогда кончится сказка самого короткого зимнего дня. Ведь прежде, чем встретить своего возлюбленного, красна-девица должна пройти много преград, преодолеть скованные морозом реки, пройти через наледи, подняться к самой вершине ледяной горы, вступить в борьбу с прислужниками злого колдуна и победить их...

День пошел на убыль. Наступает вечер. Следующий день будет на полминутки, на минутку длиннее.

ВЕЧНЫЙ МИГ ЗВЕЗДЫ

Вот и наступили сумерки. Солнце скрылось за хребтом, оставив бледно-розовую полоску за горизонтом, а потом и она исчезнет.

На небе поблескивают звезды, маня и зазывая в далекие путешествия. Они весело подмигивают, и когда у меня плохое настроение, то возвращаясь после работы, я обращаю свой взор, хотя бы на мгновенье, к звездам. Я уверена, что мои невзгоды останутся позади, а мимолетная хандра покажется мелочью по сравнению с величием и красотой звезд. Свет которых дошел до нас через миллионы лет.

Вот и мой дом. Я еще раз оглядываю звездное небо, круглую, как мяч, желтоглазую луну, которая уже выползла из-за сопок, освещая все вокруг холодным светом. Вздохнув, спешу нырнуть в подъезд, потому что мороз крепчает, и долго любоваться красотой зимнего вечера невозможно.

Пора домой.

Рисунок Юрия Круглова

Галина Рогалева

Выросла в Оловяннинском районе. Работала стрелочницей, дежурной по станции, мастером ПТУ, пионервожатой, воспитателем детского дома. Закончила пединститут. Последние пятнадцать лет занимается журналистикой. Стихи пишет с детства.

ДАШЕНЬКЕ ЛЕБЕДЕВОЙ

Даша — Божий ангелок,
Синеглазая девчушка,
В моем сердце, как в избушке,
Заняла свой уголок.
И теперь живет со мною.
Где бы Даша не была,
Дверку тихо приоткрою:
"Здравствуй, Даша! Как дела?"
Вспыхнут искорки-зарницы
В синем-синем небе глаз,
И ответит озорница:
"Холосо. А как у Вас?"

В ЧИТЕ ВЕСНОЮ

Нарядились девочки в легонькие
платьица,
Вновь в деревьях слышится
гомон птичьих стай.
Это значит солнышко,
как котенок ластится,
Это значит на дворе
снова месяц май.
Солнышком пригретые,
всюду одуванчики
Желтыми головками
буйно зацвели.
У ларьков коммерческих
стриженые мальчики
Шустро в нежных пальчиках
теребят рубли.
Звездно-синим вечером Вовочки и
Севочки
По пустынным улицам гонят, лихачи.
К ним в "Тойоты" белые
бойко прыгнут девочки,
Красные фонарики
пропадут в ночи...

* * *

Ранняя, тихая осень.
Теплый багряный закат.
Между березок и сосен —
белый ромашковый плат.
Жаль — не накинуть на плечи —
было б, наверно, к лицу...
Как замечательно вечен
воздух в осеннем лесу!
Этого света и красок,
запахов и тишины,
хватит, наверно, с запасом,
чтоб дотянуть до весны.
И, уже как об утрате,
взгляд опалив о багул,
вспомнить об этом закате —
осень, ромашки, тайгу...

УВЕРТЮРА

Такою высокою нотой
звенела в лесу тишина,
как будто невидимый кто-то
задел и — запела струна.
Как будто рождалась в миноре —
от снега и серой хвои —
предчувствие близкого горя,
предвестие горькой любви...
Так рос, поднимался над лесом,
все звуки собой перекрыв,
то легок, то тяжеловесен,
лесного затишья мотив...

* * *

Смешно, но мне порою хочется
уткнуться в чьи-нибудь ладони.
Во сне увидеть, иль воочию,
как в них лицо мое потонет...
И после — руки целовать,
и говорить ладоням нежно
чужие глупые слова,
из книг заимствуя небрежно...
А может, выдумать свои —
и это вдруг за сердце тронет?
И — уронить лицо в ладони —
такие нежные... Твои!

Валентин Марков

БЕЛАЯ БОЛЬ ЗИМЫ

● предновогоднее ●

Серо-белый декабрь заглянул в мое окно из-под козырька кепки-балкона. Под окном стоял ильм на одной ноге и, подняв другую, морщился, словно ему наступили на мозоль.

Силикатно-покойничьей бледностью серел соседний дом.

Водосточная труба, накинув белый пуховый платок куржака и прижавшись к стене, терпеливо ждала свидания.

Утробно хрюкнув дизельным чадом, зеленым крокодилом прополз КРАЗ. Он завывал и устрашал всем, чем можно и ненужно. Дорога, вздыхая и поскрипывая, несла его на своей спине.

Облысевшие сопки с редким пухом на макушке, летом служившие объектом шуток для соседнего молодого леса, надели медицинские шапочки и сразу приобрели какую-то значительность и, как доктора, нависли над постелью больного города.

Крякнув и, словно подпрыгнув, заверещал неделю молчавший телефон, — но так же неожиданно-неопределенно смолк.

Тишина качала головой и шептала извинения.

Скачками прыгали секунды на часах в необратимое прошлое, — в НИЧТО и на оставшуюся жизнь укорачивалось видимое и осязаемое пространство.

А в туалете, как ни в чем не бывало, неумолчным ниагарским водопадом шумел днем и ночью унитазный бачок.

Поскрипывая половицами и ища вчерашний день, по залу прошелся домовой, — походил из угла в угол и, найдя теплое укромное местечко, удовлетворенно успокоился.

— Тоже подмерзает, бедолага!

По плохо выбритой щеке горы черной букашкой карабкался грузовик, останавливался, принюхивался и полз дальше.

А в моей спальне шифоньер, застегнувшись на все пуговицы, начал кланяться, как заслуженный артист, в такт половицам.

По улице гневно вышагивали молодые женщины, выдыхая неприязнь вместе с паром и посверкивая искрами из глаз.

Крыши слились с серым небом, — поэтому трубы и антенны торчали уже прямо из неба.

Туго накачанные голуби кивали друг другу и каждой съедобной крошке.

День шатался неприкаянный и, наконец, угрюмо зашел за дом, как пьяница, которому не дали опохмелиться.

— Где ж мой друг — баян, что-то мне не спится!

"Голяш", едва выговаривая, прорычал что-то не по теме:

— Мы с тобой должны соскучиться друг по другу!

— Верно, паря, правда, паря! Музыка, как первая борозда, должна до черноты вспахать сердце, чтобы оно болело, — иначе — серятина, глумясь, забьет мысль!

А в соседнем доме счастливо разулыбалась огнями елка, — но вдруг судорожно дернулась щека-штора и ресницы иголок сморгнули непрошенную слезу.

На снежном фоне бесприютно скользили тени прохожих.

Беспрерывно курили белым теплом колодцы, быстро прикуривая и перебрасывая папиросы под полой. Вот один из колодцев для забавы выкурил огромного дракона и тот, разевая пасть и раскачиваясь, стал подниматься вверх.

Темнота дожимала и уже уложила день на лопатки. Тощей собакой в подворотню юркнул вечер.

Словно спрыгнув с забора, вдруг на плечи домов навалились сумерки. Прохожие уже шагали без теней, словно размазанные в сиреневом воздухе.

Сухо, как деревянная кровать, хрубастил снег.

Кроме Деда Мороза, к которому мы с детства привыкли, в русских сказках живет Морозко "...по елкам потрескивает, с елки на елку поскакивает, пощелкивает." Таким его и увидел хороший художник Юрий Круглов.

Из сплетения веток в белой ризе с мученическим взглядом смотрел Христос, что-то шептал, взывая к милосердию, пока не исчез во тьме.

В черный балахон ночи закуталась луна, высунув мордашку, торчала серебряной монетой, по-клоунски разевая нарисованный рот.

В кухне холодильник нерешительно переминался с ноги на ногу, вымученно бормотал и кряхтел, — наконец поставил точку на этом разговоре. Он торчал и молчал.

А на улице воровато перемигивались огни города и понимающе кивали друг другу.

Включил телевизор — очередная примадонна энергично месила белыми туфельками белый туман на сцене.

Китайская хлопушка бесстыдно запоносила, разрывая плотную ткань воздуха, шуточно-пистолетно хлопнула прямо под дверью микробомбочка.

— Явление боевика в натуре!

Почему-то пинками загоняется в глотку суррогатная водка подпольного разлива. Зелье с треском прокатывается по нутру,—становится теплей и беззаботней.

Всхлипнул телефон, коряво-пропитый голос прокашлял:

— Это магазин?

— Нет, баня!

От этого вопроса беспричинно-дурачье веселье навалилось радостным Шариком и пошло скакать по квартире!

Развеселый домишко, впопыхах нахлобучив белую снежную шапку, покуривая и пьяно покачиваясь в морозной дымке, держал под мышкой "иномарку". "Тойота" щурилась восточным разрезом глаз-подфарников, по-японски материла забайкальский мороз, дрожала и куталась в прозрачный платок выхлопного газа.

Вдруг выпучились рачьи глаза и зловещим Мефистофелем пробуравил темноту — лягушкой скакнув с места, машина исчезла.

Все произошло так быстро, что дом недовольно хмыкнул, заглядывая под мышку, хлопал себя по карманам-дверям и таращился в подслеповатые очки-окна. Вот он безнадежно подпоясал кушаком ставни и задремал, машинально лапая вокруг себя и ища красивую игрушку.

Соседние дома прятали улыбки в ржаных усах палисадников.

Паровозно пахло углем.

Инеем синела задумчивая зима.

Беспутная пустолайка Кнопка, спускаясь с верхнего этажа, на весь подъезд орала — что она хочет! Лестницы зло скрипели от нецензурного лая.

Снова — к надоевшему телевизору. Реклама, нахально елозя красивыми бедрами, предлагала изделия фирм: "Джонсон", "Мицуписа", "Блендомет" и "Видал Соссун".

— О, кей??

— О, йез!! А почему не рекламируются кондомы?

И словно в ответ, молодая пара, обнявшись и задумчиво глядя с экрана, заявила:

— Теперь за нас думает презерватив!

На моей физиономии скорбно-бульдожье выражение:

— Фонта-а-а-ан!! — вырубаю фазу — смотреть нечего.

Темно-синий вечер оперся локтями о крыши домов, заглядывал в окна.

Под лохматой шапкой настороженности домов проглядывал страх за свет, за тепло, за жизнь.

Зима, перекатываясь волнами мороза, хозяйничала на земле.

В новогоднюю ночь Забайкалья
первым тостом приветствуем мы:
пусть Чита, как снежинка, сверкает
на пушистых ресницах зимы!
Пусть бокалы звенят и бокальцы,
мы живем, холодам вопреки.
С Новым годом, орлы-забайкальцы!
С Новым годом, друзья-земляки!

Год полосатого Тигра

Фоторабота Виктора Дианова.

ЭЛЕГИЯ

На кресте-перекрестке
судьбиной дороги
Млечный Путь потревожил
я в теле твоем.
Хоть и есть во вселенной
другие остроги,
осужден я с тобой на земное житье.
Я не верю теперь
в чудеса-превращенья,
а хочу лишь смотреть
на родные места,
и с тобою идти по стремине вращения
человеческих судеб —
за шлейфом креста.
Пусть плывут облака молока
в твоем теле
под степные протяжные песни веков.
И я тоже спою о печальном уделе,
окрыленный цепями
осторожных оков.

АЛХАНАЙ

Облака бесконечную высь
приближают как-будто,
где порою во сне и мечтах
совершаем полет.
Небосвод лазуреет, заоблачной
дымкой окутан.
Тишину нарушая, рассвет из-за
сопок встает.
Моих браться, сестер, среди степи
живущих обширной,
необычность тая, алханайские
горы зовут.
Освещенные солнцем остроги
ведут на вершины,
к многоликому Будде, а, может быть,
множеству Будд.
"Я боюсь, что душа после смерти
в собаке родится", —
говорила при жизни любимая
бабка моя.
А сама — над горами, приветствуя,
кружится птицей,
как руками — крылами к себе
мою душу маня.
Алханай! Мое детство, приволье,
озоновый воздух,
исцелитель-родон в родниках

Бадма-Доржи Харгана

Родился в 1961 г., учился в Литературном институте им. А.М. Горького.

от болезни любой.
Первый друг — бурундук,
а зимою —тулуп не по росту...
Через годы нас память ведет
незабвенной тропой.
Моя осень — души седина, далека,
как зарница
в предосенние ночи над полем
созревших хлебов.
И живу я на свете, чтоб видеть
все новые лица,
как ванговский сеятель,
сеять меж ними любовь.
Алханай! Как прекрасны твои
голубые узоры!
На рельефе земли выступаешь
главою окрест.
Я с тобою встречаю степные
даурские зори,
величавый, ты родины
малой моей Эверест.

СТРЕЛА ПОЭЗИИ

Стрелу пустил певец без тени зла,
Крылатый конь его промчался высью.
Из глубины веков глубокой мыслью
Пронзай сердца, священная стрела!
В груди людей горит мишень твоя.
Клин — клином вышибают,
болью-боль.
Так бей же ты всей силой чувств,
а соль—пролитых слез для ран
души — не яд!
Мы в мире вечном будем под травой,
и канет боль души живой в бурьяне.
Но снова кто-то тетиву натянет —
сольется стих с булатною стрелой.

■

Валентина Маркина

Из Якутска в "ЧЛ" авиапочтой прислала стихи, переводы и привет от якутских поэтов бывшая читинка Валентина Маркина. Что ж, подумали мы: "Самолет — хорошо, а олени — лучше". Спасибо за память, шлем ответный поклон якутам и якутянкам..

Николай Чуора

Мой ангел, запоздалая любовь!
О, как всю жизнь
я жаждал этой встречи.
В отчаяньи я повторяю вновь:
Но почему мой путь к тебе не вечен?
Но почем глаза, что прячут страсть,
Не для меня сияют высшим светом?
Я так хочу к твоим ногам припасть,
Любить тебя, пусть даже без ответа.
Одна твоя улыбка, и вокруг
Все расцвело, и жаворонка пенье
Среди зимы услышалось мне вдруг,
И душу охватило вдохновенье.
Нет, нет! Мне ничего не говори.
Будь счастлива,
мой ангел запоздалый.
Ты только вечной звездочкой гори!
Сияй закатом трепетным и алым.

Перевод с якутского В. Маркиной.

БЫЛОЕ ВРЕМЯ ТВОРЧЕСТВА

Леонид Аверьянов

Вообще-то, "композитором" стал в шестом классе, когда на смотре школьной самодеятельности сыграл на баяне свою полечку. С тех пор ребята меня звали "композитором". А чтобы оправдать это звание и не прозвище пришлось пройти долгий путь. Я, конечно, гордился кличкой, но потом, сталкиваясь с музыкой классиков, восторгался музыкальной фантазией и ужасался, что мои опыты ничего общего не имеют с тем, чтобы их назвать музыкой. Ведь первые опыты, как правило, не самостоятельны, а порой, вольно или не вольно, "слизаны", как говорят, из чего-то слышанного ранее по радио.

Так однажды получилось уже с другой полечкой, которую я "написал", когда ходил в духовой кружок Дома пионеров. У нас был хороший руководитель Виктор Анатольевич Савсерис, великолепный тромбонист, баритонист и воспитатель. Он прослушал мою полечку, она ему, как я сразу понял, понравилась, и он тут же гармонизировал и оркестрировал ее, дописав, правда, третью часть, и мы стали исполнять ее оркестром. Все шло хорошо до тех пор, пока однажды Виктор Анатольевич не написал ее одному ученику для упражнения с тем, чтобы он поиграл ее (она была мелодична) хорошим, полным звуком. И когда тот заиграл ее медленно, то... мелодия оказалась арией Альфреда из "Травиаты" Верди. Оказывается, я попал в плен первой интонации, развил ее до квадрата, а так так темп был быстрый, плагиата не было слышно, а вот замедленный темп вывел меня на чистую воду. Но я не думал о том, чтобы у кого-то списывать, просто попал в интонацию, не смог выбраться из ее плена. Этот урок я хорошо усвоил и потом, сочиняя свои песни, весьма тщательно следил на тем, чтобы среди известных интонаций нащупать свою, неповторимую.

Таким образом, закончив училище, я мечтал поступить в консерваторию по классу композиций с тем, чтобы стать профессиональным композитором.

Но это был также непростой путь, ведь кроме творческих занятий жизнь ставила свои бытовые задачи. Надо было устраиваться, иметь квартиру, для ребенка — садик, для существования — деньги. Я начал работать в Черновской музыкальной школе. Примечательно то, что у нас с 1952 года при Доме народного творчества была организована секция композиторов-песенников, кстати, куратором ее был отец наших ныне знаменитых братьев Соломиных, Мефодий Викторович Соломин, скрипач, хоровик, работавший в то время методистом в ДНТ.

Мы собирались весьма периодически на "творческие пятницы", проигрывали новые сочинения, обсуждали их, критиковали друг друга. Это была творческая лаборатория. Здесь, думаю, каждый научился критически относиться к написанному, так как сам до прослушивания иногда не мог услышать нотки плагиата. Скажу и то, что у нас частыми гостями творческих дискуссий были читинские поэты: Никонов, Гольдман, Савостин, Граубин, позднее Вишняков, Стефанович и другие. Потом мы научились "работать" над песней: улучшая и текст, и музыку.

Много песен было написано на стихи Василия Никонова, он очень плодовит на тексты. Среди тем его песен были конъюнктурные, к великим датам календаря: день рождения Ленина, революции, комсомола, гражданской войны. В то время мы не оценивали критически идеологию коммунизма, и от всего ума и сердца служили этой идеологии.

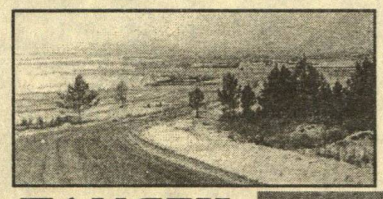
Семидесятые-восьмидесятые годы были годами расцвета забайкальской культуры. В районах строились клубы, открывались музыкальные школы, библиотеки. Периодически проводились Всесоюзные и Всероссийские фестивали творчества, смотры с обязательным показом в Москве. Многие ветераны самодеятельности сейчас могут вспомнить эти волнующие и, вместе с тем, несущие заряд творческого вдохновения праздники всех жанров творчества: хоров, вокальных и фольклорных групп, оркестров как народных, так и духовых, солистов, инструменталистов и вокалистов, мастеров художественного слова.

И самое важное: было место творчеству местных композиторов и поэтов, песни наши звучали в программах художественной самодеятельности, а позднее — и в профессиональных коллективах, по радио и телевидению. Наше творчество обретало воспитательное значение: стихи, песни, художественные полотна и спектакли театров несли патриотизм, гордость за свое родное Забайкалье, мы осознавали, что, как выразился Станиславский, славу Родины венчают не отдельные гениальные самородки, а многомиллионная армия энтузиастов и любителей творчества.

■

РЮКЗАК МОЕЙ ПАМЯТИ

НА ЧИКОЕ ГОВОР ОСОБЫЙ

Николай Осипов

Дорогим чикойцам, жителям села Архангельского, ныне здравствующим и тем, кого уже нет, кто 35 лет назад помогал автору раскрывать секреты бабушкиных сундуков.

Евтюха умер в субботу. Утром, как обычно, почаевал, поворчал на невестку, так, для порядка, потом пошел баранухе сена бросить. Ушел и не вернулся.

Невестка Дуся вышла на крыльцо, покликала батьку — не отзывается. Побежала глянуть, куда это старый запропастился? И нашла его на заднем дворе, за нахохлившимся от снежного пуха сараем.

Старик стоял, привалившись на прясло поскотины, глядя широко раскрытыми глазами из-под лохматых бровей, и не шевелился. Студеный хиус с Чикоя, успел побелить лицо, хрустальная слезинка скатилась по морщинистой щеке и запуталась в седой бороде, словно капля чистой смолы по свежему затесу на могучем кедре.

Заголосила Дуся, кинулась по родне и знакомым.

— Подумать только, вечёр пришел домой навеселе, песни пел и хорохорился, дескать, мы еще повоюем, — рассказывала Дуся тетке Прасковье, к которой пришла за деревянными ложками. Обычай такой у семейских: на похоронах нельзя есть металлическими ложками, нужны деревянные. Бабка Прасковья их нарочно держала десятка три и при нужде всю деревню выручала.

— Отвоевался, значит, родимый... Выходит теперь весь Евтюхин годок вытянулся, — загоревала Прасковья, подавая Дусе узелок с ложками.

— Предки наши, жившие по древнему благочестию, завещали с бритоусом, табашником, щепоточником и со всяким скобленым рылом не водись, не молись, не бранись, — начинал, бывало, задушевную беседу Евтей. — Все это от сектантства нашего, от фанатизма и давно забыто. Но ведь забывают и другое, хорошее. Глянь, Иваныч, на своих школяров, знают они, откуда мы, семейские, есть пошли, как робили, чем жили? Молодые теперь старичков в расчет не берут. Спрашиваю соседа Евдокимыча: "А что, Мишка-то у вас женился?" А он руками разводит: "Откуда теперь узнаешь? Сидим со старухой, приходит Мишка и с порога: "Ну, мать, вари чай, молодуху привел!" Разве так мы свадьбы справляли?"

Кондратьев соглашался с дедом, но в душе понимал, что в этом деле за поддержкой ни в какой райком не сунешься. Само слово "семейщина" настораживало и, хотя колхозная семейщина из года в год увеличивала надои и собирала рекордные урожаи, интереса к ее быту, обычаям не проявляли. Довольствовались тем, чтобы так называемые "раскольники" жили в тишине и неизвестности.

Кондратьев припомнил слова одного старинного исследователя: "Песен у семейских не осталось, растеряли они их после нескольковекового скитания по разным местам".

— Вот с песен-то и начнем, — согласился с учителем председатель колхоза Георгий Феофанович Маниковский, когда тот излил свою тревогу о наступающем равнодушии молодых.

— На масленку устроим проводы зимы, а после соберем посиделки, деньги на это дело найдем, — поддержал Кондратьева председатель.

И был еще энтузиаст, знаток и хранитель старинных обычаев — Николай Васильевич Гладких, заведующий районным отделом культуры, бывший военный летчик. Коренного семейского роду, он не рассчитывал на благодарность за свое подвижничество и, глубоко переживая несправедливые попреки за "воспевание семейщины", поддерживал, как мог, заречных земляков. Начинания кочёнцев по возрождению традиций оценивал Илья Арсентьевич Калашников, заместитель начальника областного управления культуры.

... — Иваныч, почто бредешь, словно едешь, людей не примечаешь?

Кондратьев оглянулся. За спиной стояла почтарка Дуся Забелина с битком набитой газетами сумкой через плечо. Первая затейница, искусная рассказчица, любительница пофрантить в старинном наряде Дуся — желанная гостья в любом доме. Она приносит не только почту, но и самые свежие новости. За чаем, которым ее потчуют в каждом доме, новости, по дусиным словам, "лезом лезут".

Вот ей-то и поручил учитель уговорить кочёнских старушек отвлечься от

обыденных забот и собраться на посиделки в духе доброго, старого времени, с пряжей и песнями. Кондратьев и сам, по словам очевидцев, "все ботинки порвал", пока бегал по селу, собирая песночей.

...Буранной выдалась в том году весна на Чикое. И пока снежная круговерть хлесталась в избы, толкалась в подворотнях, досаждая конному и пешему, не терял времени Кондратьев. И вот к просторной, добротно слаженной избе Евдокии Павловны Куприяновой потянулись бабушки с прялками на плечах. Шагали ходко, весело мелькая цветастыми юбками, торопливо перебирая чирочками по глубокому снегу.

Пришли Фекла Павловна Михайлова с дочкой Нюркой, Василиса Константиновна Куприянова, школьная сторожиха (она же потаенная шинкарка), Екатерина Егоровна Кривошеева, умом хитра да на язык остра, Евдокия Ермолаевна Забелина, понабилось и с десяток молодух. Старухи посуетились, погремели своими прялками, наконец, расселись каждая на место, издавна ей знакомое. Молодежь жалась к жарко дышащей печке, похихикивая и перешептываясь. Все было как сто, а может и более, лет тому, не было традиционной подслеповатой лучины; вместо нее ярко сияли съемочные лампы.

— Етот раз испугаешься и не напоешь никово, — рассупонивая куделю, начала Екатерина Егоровна. — В пьяни-то откуда и голос берется, как из трубы, а тут каку и придумаешь.

Хитроватого сигнала было достаточно: из широких юбок с запонами Василисы Константиновны как-то сама собой явилась бутылочка, на цвет мутноватая, вкуса придорожной полыни, крепостью достающая до самых пят, синим пламенем горящая.

Песночеи бровью не повели в сторону соблазнительных приготовлений, каждая настраивала свою прялку.

— Раньше-то я, ух, артистка была. Откуда чо бралось, — продолжала Фекла. — Давайте, бабы, споем "Сторона моя, сторонушка". Самая адамовская песня. Из-под тиха начинать ее надо.

— А может, "Два славных героя пришли на ночлег"? Ей ни конца ни краю. Давноняя песня, не всяк и споеть ее. Такая сложная и мотиву сильнава.

Сказала это Екатерина Егоровна и крутанула веретено, за ней закрутились колеса остальных прялок, а Фекла звонко, протяжно на весь Кочён зачала песню.

Я смотрел на этих, будто из сказки вышедших старух. И казалось, не простой клубок мелькает в иссохших, некрасивых руках — брось его и поведет он через годы и долы, через столетия и приведет тебя в Белокаменную времен тишайшего Алексея Михайловича. И вспомнилось, что эти лица уже видены мной, видены на картине Сурикова, когда впервые посетил Третьяковку. Увидел узкую, ведущую к Кремлю, покрытую глубоким снегом улицу, толпу, через которую движется скорбный поезд, непокорившуюся боярыню, высоко поднявшую руку, с пальцами, сложенными в двуперстие, прекрасную и грозную в своем мятежном порыве и ее неистовый крик: "Если сподоблюсь сожжению огнем в срубе на Болоте, это мне и преславно, ибо этой чести никогда не испытывала".

Это могучее по силе впечатление повторилось, когда осенью 1969 года кочёнские песночеи, готовясь к выступлению на Центральном телевидении, пришли на Красную площадь, потом через Боровицкие ворота вошли в Кремль и под Колокольней Ивана Великого стали водить хоровод совершенно непринужденно, не нарочито игриво, будто у себя дома на выселках. Чикойцы мигом утонули в толпе иностранных туристов, увешанных кино- и видеокамерами. Отвели иноземцы свои душеньки, вдоволь наснимав это редкое, удивительное зрелище.

Казалось, вот сейчас сойдет в Красного крыльца патриах Никон, а из Успенского собора — отец раскола неистовый протопоп Аввакум и вновь схватятся они в непримиримом споре, которому нет конца уже триста лет.

Но это будет позже. А пока крутятся веретена в кривошеевской избе, летит песня от Кочёна в Мало-Архангельск, перекликается с песнями Урлука, Шимбилика; везде она звучит особо, по-своему. Волны радио разнесли их вскоре по Забайкалью, а там и москвичи запели: "Обломилась доска..."

А пока крутятся веретена, по эскизам художника Л.С. Рыжова шьют чикойцам костюмы для столичной поездки. В колхозном клубе В.Н. Волков безустали репетирует с хором. Чикой готовится покорить Москву, а мы с нетерпением ждем с ним новых встреч.

Писатель Г. Граубин сообщил однажды такую новость:

— Писатель Всеволод Иванов, возвращаясь из Индии, остановился в Чите, и хочет ближе взглянуть на Забайкалье. Река Менза подойдет для такого путешествия?

Память тут же взорвалась грохотом Буркальского порога, кипящей круговертью: двое городских авантюристов на резиновой лодке и с пропоротым дном бешено выгребают к спасительному берегу из этой серебряной дороги в ад.

Чикой после Индии? Рисовано советовать знаменитостям...

... Вот какие памятные встречи проглядываются сквозь многолетнюю чердачную пыль, когда развязываешь старый рюкзак своих походных воспоминаний.

■

Ольга Коваленко

ПО СТУПЕНЯМ АДА

Имя Елены Викторовны Стефанович, читинской писательницы, слишком дорого мне, голос ее в общей творческой разноголосице хорошо слышен, чтобы промолчать.

Для начала скажу: оставим в стороне тяжелый психологический фон повествования, его художественные достоинства и недостатки.

Разговор пойдет о более глубинном — философии, отношении к жизни героев "Чмаря" и автора.

В ходе повествования "Чмаря" автор пытается доказать нам, что все страшные испытания, что выпали на долю Миши — случайны, дико несправедливы, должны вызывать сильнейшим внутренний протест. Но, если верить в Высшую Справедливость, в нечеловеческих страданиях видится Смысл.

А человеку и его близким, живущим чувствами гнева, страха, обиды, ненависти, — немыслимо вырваться из круга предначертанных испытаний.

Хотя столько потрясений, что свалились на голову хрупкого мальчика — явление редкое. Художественное произведение требует сконцентрированности, совмещения для яркости и убедительности нескольких жизней — в одну, создания собирательного образа. Тем не менее цепочка закономерностей — налицо.

Даже то, почему именно над Мишенькой надругались распоясавшиеся подростки, имеет свою причину. А далее все идет по нарастающей. Как поступили мама Миши и отчим? Мама отправили еще не отошедшего от ужаса сына в ту же школу, в то же окружение, в котором он был беззащитен. А отчим, хотя и случившееся перевернуло его душу (скорее — разбудило), решил мстить. Гнев, слепая ненависть привели Владислава Петровича, отчима, к гибели. Это — к сильнейшему потрясению мальчика. Далее, "энергетически выпитый", безвольный малыш не смог противостоять притязаниям гомосексуалиста-учителя. Далее — многолетняя ненависть, убийство, "зона", и только тогда стало приходить смирение, переходящее порою просто в безразличие. Сбой в цепочке — путь к спасению. Мать пошла тем же путем — смирения — упала на колени перед замполитом, вызвала его сочувствие и спасла своего сына. Далее — операции, возвращение домой. Что дальше делать со своим героем — автор не знает. Чашу отпущенных ему страданий он выпил до дня. Теперь следует преображение внутреннее, переход на другую ступень. Прежним он уже не будет. А каким? Неизвестно, так как герой гибнет под колесами машины...

Читаешь "Чмаря" — и стискиваешь зубы, а сердце плачет обо всех, кто оказался в "клоаке жизни", обо всех...

А читателям "Чмаря" желаем одного — быть всечувствующими и всепонимающими, и не идти страшным путем ненависти, осуждения и мести. Искать в себе силы не осуждать. ■

«МОЯ ПРОФЕССИЯ — БИБЛИОТЕКАРЬ»

С таким названием прошел в библиотеке им. А.С. Пушкина вечер, посвященный хозяйке этого главного библиотечного дома Забайкалья, заслуженному работнику культуры России Нине Степановне ЛАПЕНКОВОЙ.

Герцен назвал книгу "духовным завещанием одного поколения другому". Областная Пушкинская открывает многим тысячам студентов, исследователям и ученым дорогу в мир знаний, фактов, научных открытий и свершений. И наверно не случайно свои новые книги забайкальские ученые Кобылянский В.А., Куликов В.В., Юргенсон Г.А., Константинов Н.В., Кузник Б.И. и другие несут именно в библиотеку. Готовится к изданию совместно с лучшими научными силами области "Энциклопедия Забайкалья".

Еще в шестидесятые годы зародилось сотрудничество Нины Степановны с забайкальскими писателями, переросшее со многими из них в крепкую дружбу. Неизменные участники всех встреч с читателями друзья и коллеги Нины Степановны — писателя Георгий Граубин, Василий Никонов, Михаил Вишняков, композиторы Василий Волков и Леонид Аверьянов, Анатолий Васильковский, художники Елена Дружинина и Владимир Форов, журналисты, люди науки и производства.

Нина Степановна сочетает в себе редкий талант библиотекаря и организатора, исследователя и научного руководителя. Библиотека им. Пушкина принадлежит к тому типу библиотек, которые ведут работу и с уже существующими краеведческими документами, непосредственно участвуют в их создании, проводят самостоятельную поисковую работу.

Существует своеобразная школа Лапенковой. Школа профессионализма, мастерства, умения работать с людьми, ориентироваться в нашей непростой нынешней жизни. А это значит сотни, скорее даже тысячи библиотечных дорог. И нет такого региона в области, где бы ни побывала Нина Степановна.

Сегодня в библиотеке трудится большой, сплоченный коллектив специалистов, профессионалов высокого класса, одаренных людей. Многие из них проработали в библиотеке более 20 лет. А Нина Степановна стала душой и магнитным центром этого коллектива, коллектива единомышленников. А когда люди делают одно большое общее дело, какими бы не были они разными по характеру, по привычкам, пристрастиям, они совпадают в главном — в понимании цели, к которой идут, работают на общий успех и благодаря подвижническому труду работников во главе с Лапенковой, библиотека оправдывает свое предназначение — быть открытой "для общей пользы и просвещенья".

Юбилей вылился в красивый праздник всех тех, кто любит книгу и чтение. Ведь недаром библиотеки называют сегодня островками доброты, надежды и милосердия, несущими людям чистый и радостный свет знания!

Зам. директора
по научной работе областной библиотеки
им. А.С. Пушкина В.В. БОЛЬШАКОВА

ПАМЯТЬ ДАЛЕКОЙ ЗЕМЛИ

Этой встречи я ждал давно, надеялся на нее, как на нечто несбыточное, и никогда не предполагал, что вот так вдруг она станет реальностью.

Об Андрее Григорьевиче Тарале я узнал в свой предыдущий приезд в Австралию в 1991 году от атамана сводной казачьей станицы Австралии Дмитрия Речкалова (уссурийский казак, некогда сподвижник атамана Г.М. Семенова и его сосед при жизни в Маньчжурии в местечке Кагахаси недалеко от Порт-Артура, а затем — писарь сводной станицы казаков Австралии). Тогда ему было 98 лет — живой участник и свидетель "тех" далеких событий, которые сейчас интенсивно изучаются и переосмысливаются.

После моего робкого телефонного звонка и очень приветливого разговора "станичника", встреча не состоялась по причине нездоровья Андрея Григорьевича: все-таки возраст более, чем почтенный.

Уже потом, когда я вернулся в Читу и занялся изучением истории атамана Г.М. Семенова и собирал материалы по истории русской эмиграции в Маньчжурии, я осмелился обратиться к нему, и в Читу из Австралии полетели письма, по содержанию которых, по стройности изложения мысли, по обилию описываемых фактов и по изумительно четкому почерку никогда бы не подумал, что они написаны рукой почти (а потом — уже!) столетнего человека. Он же и сообщил мне тогда о приезде в Сидней младшей дочери атамана Г.М. Семенова — Елизаветы Григорьевны и дал ее адрес.

Однажды, запутавшись окончательно в противоречивых и взаимоисключающих описаниях "свидетелей" ареста атамана Г.М. Семенова, я написал письмо Елизавете Григорьевне. Ответа долго не было, я уже отчаялся ждать, потерял всякие надежды — обязана ли она отвечать на столь важный для нее и больной вопрос совершенно незнакомой и неведомой личности из Читы?

Я получил весьма объемистый пакет, в котором на 9 листах изложены воспоминания невольной свидетельницы и участницы того события.

И, собираясь нынче в дальний путь в Австралию, я лелеял надежду познакомиться с дочерью атамана, приготовил для нее материалы об отце, в частности, его последние фотографии на суде в августе 1946 года, но на встречу с Андреем Григорьевичем надежд почти не питал: уже давненько от забайкальских казаков мы поздравляли его со столетием. Возраст!

Прилетев в Сидней, я буквально назавтра же звоню атаману Речкалову. Он, несказанно удивившись и обрадовавшись моему звонку, тут же мне заявляет тоном, не допускающим каких-либо возражений: "Быстро собирайтесь, сейчас я за вами заезжаю, едем чествовать Андрея Григорьевича со 104-летием! Там будет давать концерт в его часть Елизавета Григорьевна. Все! Ждите!"

Так и попали мы, в полном смысле, с корабля — на бал.

Чествовало Андрея Григорьевича в русском доме престарелых, где он последнее время находится, все его "население" в уютной общей столовой.

Туда мы и нагрянули совершенно неожиданно для всех. Вот и встретились, вот и познакомились! Сразу и с Андреем Григорьевичем и с Елизаветой Григорьевной. Удивление, сумбурный разговор...

Потом были приветственные слова 104-летнему юбиляру, концерт и общая "чашка чая" с традиционным русским пирогом.

Концерт в честь юбиляра дали Елизавета Григорьевна (фортепиано) со своим сыном Николаем (гитара, флейта) — профессиональным музыкантом, удивительно обаятельным молодым человеком. Концерт начался любимым Андрея Григорьевича и так приятным для нас, всех присутствующих, выходцев из Маньчжурии вальсом "На сопках Маньчжурии"; у многих насельников (так называют там обитателей дома престарелых) заблестели и увлажнились глаза.

Уже потом, после, в другие дни были еще встречи, были воспоминания, обстоятельные разговоры, записи и в блокнот и на видео, было сделано немало фотографий, но тогда бесстрастный фотоаппарат запечатлел, увековечил тот момент встречи. Многое теперь будет напоминать, вызывая волнения, та, первая фотография...

Справа-налево: автор 104-летний уссурийский казак Андрей Григорьевич Тарала, Елизавета Григорьева Явцева (Семенова), атаман сводной казачьей станицы Австралии Дмитрий Речкалов, Николай Явцев — внук атамана Г.М. Семенова и дочь Таралы Таня, прилетевшая на юбилей из Сан-Франциско.

Тесен мир, тесен! ■

Вадим Пермяков

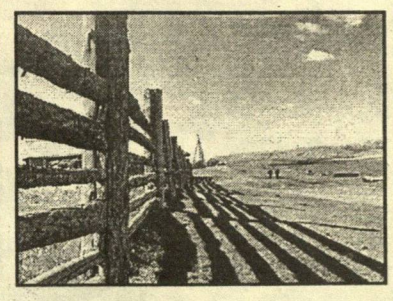
Андрей Шапаш

Родился в Чите.
Окончил Читинский горный техникум
С 1992 года в коммерции.

ВОСКРЕСНОЕ УТРО ИЗ ДЕТСТВА

Утро воскресное тихого города.
Солнце неслышно встает.
И, не спеша, раздарив свое золото
Тихо к зениту плывет.
Город, проснувшийся
словно для праздника,
Окна раскроет свои.
В небе над крышами
птицы-проказники
Вновь запоют о любви.
Тихо в квартире и тихо на улице,
Зайчик бежит по стене...
Кот с подоконника солнышку щурится,
Жизнью довольный вполне.
Сплю я, малыш,
убаюканный ласками,
Сплю, слепо веря в добро.
Жизнь разукрашен
светлыми красками,
Словно в красивом кино.
Тихо в квартире и тихо на улице,
И на душе тишина.
Все в моей жизни,
конечно же, сбудется,
Все мне подарит страна.
Где вы, мечты мои детства
чудесного?
Где вы? Вернитесь ко мне.
Вновь подарите мне утро воскресное,
Ласковый сон в тишине.

ОШИБКА ЛИСЕНКА АДЖНА

В Космосе, недалеко от зеленой планеты веселых зверюшек Ля, когда-то давно раскинула свои мрачные просторы страна Холодных планет, находившаяся под властью крылатого Черного тигра. Сам тигр жил посередине принадлежащей его колдовским силам территории, на планете Рыб, которая была целиком из одного только черного льда.

Целыми днями, в ярости и тоске, бродил он в колючей мгле по холодным блестящим, словно стеклянным пустотам, лишь чуть мерцающей изнутри мертвенно-синим огнем планете, издавая злобное рычание и обдумывая свои коварные планы о том, как бы напустить морозного, темно-сиреневого, почти черного тумана и захватить ту или иную теплую планету, на которой живут веселые зверята и дети. Помогали тигру в этом, всегда готовые к подлости его злобные слуги с близлежащих, равных по цвету, но таких же холодных, как и его, планет: близнецы петухи Огня, Ржавая крылатая обезьяна, Лимоновый кабан, Механическая собака, живущая на планете Замерзшей травы и рогатый Синий дракон.

Всем вместе им с помощью ледяного тумана уже удалось захватить две или три таких планеты. Обитателям же этих планет, добрым лошадкам, козерожкам, тигрятам, другим зверюшкам и детям пришлось покинуть свои жилища и срочно переселиться на планету Ля.

Здесь, вместе с местными жителями, они изобрели и построили Веселые летательные корабли, которые внешне напоминали их же самих, только, конечно, были величиной гораздо больше и сделаны были из прочной стали, которую впоследствии почему-то стали называть Огненной. Наверное, по той причине, что она оказалась очень устойчивой и выдерживала снаружи и изнутри проделки не только Огненных близнецов-петухов, но и самого Черного тигра.

Техника, которой были оснащены корабли, была хорошо продумана и надежна. Зверята и дети решили на этих красивых и неприхотливых летательных аппаратах отобрать из когтистых лап крылатого тигра не только свои родные планеты, но и растопить сильным, но невидимым простому глазу лучом Любви его главное логово, ледяную планету Рыб, тем самым сделав совершенно бессильным и самого тигра, и его слуг.

Наконец, пришел долгожданный день. Рыженький веселый лисенок Аджн попрощался с друзьями и зашел в небольшую, но уютную кабину пилота. Он прекрасно знал, какое сокровище ему придется везти в далеко небезопасное путешествие. Ведь в самой середине корабля и Главного зала, в скромной, но изящно сделанной мастерами Дракончиком и Водолейкой вазе находился никогда не увядающий, великолепный и грациозный цветок Анахита.

Все лепестки этого очень красивого цветка, с трудом и любовью выращенного Аджном и его друзьями, были разного цвета. Его по праву можно было назвать небольшой радугой, выросшей в цветочной вазе и однажды распустившей в разные стороны лепестки лучей тихой и нежной, а иногда весело-шумной.

Цветок, перед тем как расцвести, много лет впитывал в себя все то лучшее, что знали, умели и чувствовали друзья, вырастившие его. Кроме того, Анахита впитал в свой коротенький изящный стебелек и красивые, похожие на крылья огромных разноцветных Древесных бабочек лепестки, все дуновенья ветерков, все вечерние, ночные, утренние и дневные прекраснейшие запахи, звуки и цвета живой и разнообразной планеты Ля. Можно сказать, что Анахита сам стал маленькой, способной противостоять всему низкому и темному — Ля. И еще, конечно, к этому нужно прибавить знания и воспоминания зверят о планетах, которые они были вынуждены покинуть.

Маленьким мастерам, конечно, было боязно отпускать своего веселого друга и всеобщего любимца чудесного Анахита в столь опасное путешествие. Но только вместе с ним Аджн мог победить коварство Черного тигра. Только этот чудесный цветок мог уловить в безбрежном океане Космоса теплый луч Любви, посланный им вслед друзьями, сделать его горячим и с помощью лисенка растопить лед планеты Рыб.

Корабль поднялся ввысь и полетел к темным границам страны Холодных планет. Этот корабль был небольшой, зато очень надежный и быстрый. Внешне он напоминал фигурку летящего среди звезд веселого мальчика. И как раз в этом месте, где у обычных мальчиков находится голова, размещалась кабина пилота, в которой перед экранами сидел в удобном кресле лисенок Аджн. Корабль скоро приблизился к границам страны темных сил. Дальше лететь было очень опасно. Ведь Синий дракон, Лимоновый кабан и прочие слуги Черного тигра никогда не дремали. Но этого друзьям и не нужно было делать.

В кабине лисенка, на правой от него Белой стене, находилось семь разноцветных телевизионных экранов. Вначале ему лишь нужно было включить самый большой из них — Сиреневый, в котором немедленно должен был появиться приготовившийся к бою прекрасный Анахита, а после включить такой же сиреневый экран, только слева на Черной стене кабины. Через него можно было увидеть огромный и безжизненный, вращающийся в холодном вечном мраке черно-сиреневого тумана и лишь чуть мерцающий изнутри зловещим голубым пламенем, ледяной черный шар планеты Рыб.

В этом случае победа друзей оказалась бы мгновенной и полной. Но Аджн, не дав ничего знать цветку, то ли по неопытности, то ли желая немного подшутить над веселым приятелем, включил сперва Сиреневый экран с левой стороны кабины. Последствия этого опрометчивого поступка оказались очень печальны.

На большом экране Главного зала, находящегося прямо перед ничего не подозревающим цветком, вдруг показался огромный тигр, ужасная голова и раскрытые черные зонтики крыльев которого от злобного хохота колыхались и запрокидывались то и дело назад. Он сидел между двумя высокими айсбергами, словно сделанными из черного хрусталя, посередине огромной заснеженной ледяной впадины и при этом рычал и выкрикивал кому-то злобные приказы. Тут же через стекло экрана в зал стал быстро вползать сиреневыми тяжелыми клубами колдовской ледяной туман. Бедный цветок не успел ничего предпринять. Он лишь почувствовал, что становится трудно дышать. Его лепестки начали сильно мерзнуть, мгновенно покрываясь инеем. Погружение в сон.

Вот к чему привела, казалось бы, небольшая ошибка Аджна. И неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы на помощь друзьям не подоспел другой летательный аппарат с теплой планеты Мез. Этот корабль был сделан внутри и снаружи почти так же хорошо, как и корабль Аджна и Анахита, только этот — в форме фигуры девочки и управлял им опытный и умный пилот — фиолетовый ежик Сахасрар.

В это время перепуганный лисенок дрожал от страха в своем кресле пилота, не зная как бы выручить друга, заснувшего холодным сном в Главном зале, и спасти корабль.

Теперь-то он горько пожалел о своем поступке, которого могло бы и не быть, будь он немного разумнее. Ведь ко всему уже случившемуся колдовской туман с минуты на минуту мог через щели дверей проникнуть из Главного зала и в кабину пилота. Кроме того Аджн вдруг почувствовал, что какой-то, неведомо откуда взявшийся холод, появился в груди и старается заморозить, подчинить изнутри себе его разум и тело.

Опасность была велика, ведь Анахита и лисенок оказались на краю гибели, а прекрасный космический корабль мог стать угрозой не только для обитателей планеты Ля, но и для всего доброго в Космосе, оказавшись в когтях Черного тигра.

"Эй, Аджн, как ты там?" — услышал лисенок вдруг ободряющий голос в кабине. Это с ним по радиосвязи разговаривал ежик Сахасрар, к счастью, подоспевший вовремя на помощь.

На его корабле тоже находился необычный цветок, который, правда, назывался по-другому — Тхаха. "Еще бы немного и было бы поздно! — ведь нельзя включать ни один из разноцветных экранов Черной стены, коварные слуги тигра только и ждут этого, пока не включены экраны стены Белой, не говоря уже о самом Главном — Сиреневом! Эх, Аджн, Аджн!"

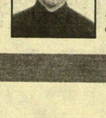
Больше ежик ничего не говорил, так как он занялся делом. Теплый луч Любви был направлен из его летательного аппарата в то место корабля двух друзей, где находился Главный зал. Этот луч не был горячим, а лишь нежным, но и этого оказалось достаточно. Ледяной, колючий туман испугался, и несмотря на ругательства, рычанье и грозные приказы тигра, который в гневе разрушил ударом хвоста один из айсбергов, стал быстро уползать обратно и вскоре совсем исчез за стеклом.

В Главном зале стало тепло, по углам растаяли кучки снега, послышалась тихая мелодия — это ожил цветок. И еще веселее засияли через капельки растаявшего инея его разноцветные лепестки. После чего Анахита горячим лучом Любви растопил черный лед ужасной планеты, на которой в это время разыгралась страшная снежная буря, и оба корабля полетели на планету Ля.

"Конечно, хорошо, — отвечал, улыбаясь Сахасрар, — но твоя ошибка едва не погубила не только тебя, но и их всех".

"А ты знаешь, Аджн, — заговорил он снова, немного погодя, — ведь в твоей груди тоже цветет маленький, нежный цветок. Уважай, люби, защищай его от холодных туманов и он поможет маленькому лисенку в твоей голове не делать больше ошибок. И тогда..., — добавил загадочно ежик напоследок, — ты скоро сможешь летать в необъятных просторах Космоса, свободно и легко, как птицы летают в небе!"

■

Андрей Усольцев

Аллегорическую сказку Андрея Усольцева в свое время публиковать не стали. Непонятно, для кого она была написана, для детей — с ее "мультяшным", приключенческим сюжетом или для взрослых — с большим обилием притчевого материала и непривычных имен персонажей.
Скорее "Ошибка лисенка Аджна"—извечная скрытая тоска человека по свету, миру и гармонии. Что-либо изменить в тексте повествования Андрей наотрез отказался. А через некоторое время его не стало.

ДРУГИМИ ГЛАЗАМИ

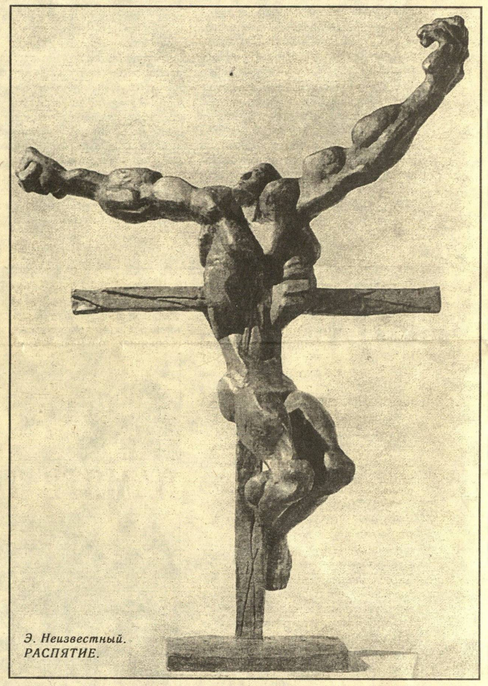
Так будет называться новая рубрика "ЧЛ.". Чем же особенным будут отличаться публикуемые здесь стихи и проза (а иногда и графические работы) авторов, некоторых из которых сейчас уже нет в живых. Всякий художник, в широком смысле этого понятия, смотрит на мир "другими глазами".

Особенностей несколько:

Во-первых, большинство из авторов молоды. Сейчас им к 30-ти или чуть более того.

Второе — общая направленность литературного материала, который, в общих чертах, можно обозначить словами французского поэта прошлого столетия Шарля Бодлера: "Познание красоты — это поединок, в котором художник кричит от ужаса, прежде чем быть побежденным!"

Эта мучительность постижения Прекрасного, эта боль узнавания тайн Природы и раскрытия в себе возможностей единения с Ней, присуща всем авторам новой рубрики.

Э. Неизвестный. РАСПЯТИЕ.

Я, МНЕ, МЕНЯ, МНОЙ... Я

Брожу по полянам сознания. Мерзну. Горю, горюю. Пальцами рук впитываю сумерки, глазами смеюсь, устами пророчествую. Обнимая, успокаиваюсь, в объятиях тревожусь. Пою красками — смешением красок, смятением красок, наслаждением красок, болью красок. В осеннем воздухе рисую Смерть, а прочитывается "Жизнь". Отторгаю смятение и принимаю его. Прячусь за искренностью недомолвок, сжигаю последние письма. Прошу поцелуев у Тьмы и получаю силу. Беру плоды созерцания и запасаю впрок. Впрок не в порок — каждый сам хоронит своих мертвецов. Ищу лица непросветленные, но озабоченные, не успокоенные, но ожидающие. Часто вопрошаю у Луны: "Кто здесь?". Но она смеется и говорит мне: "Пойди и взгляни сам!"

А потом День...

Блуждаю по улицам, брожу по площадям. Болею ногами и душой. Называю призраков по именам, пожимаю руки незнакомцам. Слушаю их тайны, утоляю их печали, обретаю свои. Завидую прохожим, чьи помыслы влекомы ветром. А в зависти иглы и порча, и желание умереть. И Смерть снова шепчет: "Могу ли я стать желанием твоим?". И пожимаю плечами и вздыхаю, и знаю, что путь далек. И друзья помогают слиться с черной дня. Они смеются и плюют на Жизнь, в то время как в глазах их медленно проплывают кошмары. "Это и есть мы", они приносят и, кажется, что вот кто-то из них заплачет кровью. Кто сумел подчинить душу начинке, называемой "современной святостью"? Мы или кто-то в нас? Ранее придворный этикет, а теперь "жизнь по совести". А совесть — лгунья. И я не слушаю ее советов. Перелист. Выпиваю чашку кофе и открываю новую страницу бытия. Прыжок. Сумерки.

А потом Ночь...

Тревожусь, ликую, злюсь. Пытаюсь увидеть картины в прерывистом дыхании спящей... Жены? Вряд ли. Она звучит по-иному. Подобная микроскопическая преисподней, где есть место всякой муке и падению, женщина источает сны. Волховую. Открываю Двери и слушаю вопли и вой. Звучащие граффиты ада напоминает стрекотание голодных белесых сверчков. Тени вырастают за спиной, а за ними холод. Лица пришельцев иссиня-черные, голоса, как шелест листвы в полночь. "Отдай ее нам!" Задуваю свечи и все исчезает. И вновь покой струится по венам, а глаза сухи и горячи. Спи, Ева, никто не тронет тебя. Она вздрагивает и возвращает мне свою боль и тревогу. Задыхаюсь, молчу, понимаю. Тебя не призовут завтра, ты мираж, одна мелодия из тысячи. Честна, прекрасна и преходяща, как всякая мудрая самка, готовая стать любимой навеки. Но я услышал тебя, и на рассвете мы простимся. Ускользаю, странствую, перетекаю в астрал. Не прощаюсь...

А потом Ночь...

Принимаю гостей из мира живых. Гостеприимствую, шучу, болтаю, смотрю изнутри. Бесчинствую, меняя маски. Стихотворцы, неумолчные правдоискатели, космические болваны, букводеи и счетоводы. Аминь, составители гороскопов, я слышал эти цитаты без читинского акцента! Да и вы достаточно неглупый народ, чтобы заблуждаться далее. Все эти наши спицы и крючки, изорванные сети заклинаний, сентенции в светло-серых тонах, маятники разлук и совокуплений с молочными сестрами — почему мы цепляемся за это? Потому что вообразили, что мир подсознания, недоступный интим, он-то нас и защитит... Не тут-то было! Не там ли самое публичное место для выступлений, поле страстей, до тошноты похожие одна на другую. Братья и сестры, наша подкорка давно превратила нас в стадо. Стадо рабов примитивных желаний и обыденных привилегий. Магнетизм, шутовство, охмурение умов. Устал. Засыпаю, ускользаю, живу.

А потом Ночь...

Просыпаюсь в безумных хитросплетениях "Крейслерианы". Избегаю бреда в стремлении к внутренней тишине. Разве не сомкнулись над Шуманом темные воды? Над единственным, кто увидел тысячи обличий своей возлюбленной... Вик. Или Уикка. И костры, и пляски, и празднества. Язычество в хромоте жаждущих пальцев. Срываюсь в бесконечность. "Что вверху, то и внизу". А справа и слева? Оккультный сандвич, декадентский хот-дог, музыка, страдающая под пристальными, изучающими взглядами некрофилов или садистов. Их анализ — мучительная вивисекция потерянного гения. Это ли не безрассудство? Но им все позволено, ибо они — Хранители Вечных Ценностей. Тоталитарные выродки от искусства. Искренность гибнет от похотливых укусов логики и порядка. Гений — твой полет был некогда могущественной птицей безумия. Ей свернули шею на страницах учебников для лабухов. Трепещите, пивные бочки с гнилыми генами почивших вагантов! Смируясь, пью отвары трав. Зеленею. Еще один перелист.

А потом День...

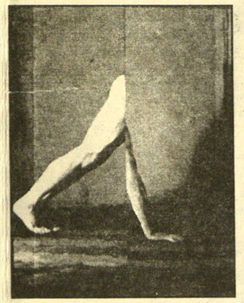
Оставляю следы ладоней на стеклах. Расту от прикосновений дождя, и нам снова не по пути. Я наверх, но кто займет мое место? Море. Земля. Почва, уходящая из-под ног. Сны наяву ускользают, их дешевый импрессионизм еще способен пленять воображение, но не исцелять душу. Молитвенный покой так далек. Ева, я возвращаюсь! Я всегда верил в твою способность притягивать предметы. Мы снова будем вести долгие беседы по телефону, ходить в библиотеку, пить пиво, укутавшись одним одеялом, а потом ты, чего доброго, еще захочешь ребенка. Я скитаюсь. Снова один. Заблудившись в твоих поцелуях, отыскивая самый ядовитый. Я хочу еще один раз ускользнуть, исчезнуть, скрыться от глаз твоих, полных слез и инстинктивной хитрости. Я расстраиваю тебя, я насыщаю тебя, я делаю тебе подарок. Ведь подлинное твое счастье осталось там, на желтеющих страницах тусклых романов о безответной любви. Но эта история никогда не кончается. Ухожу. Волхвую, шепчу, неслышно смеюсь. Каюсь.

А потом Ночь...

■

Дмитрий Бахаев

ЗАПАХ КРОВОПИЙЦ

●

БЛЕСК СТАЛИ КРЕСТА СТАРОГО КЛАДБИЩА

●

УТРО

●

ЛЮБИМАЯ МАЗЬ РЫЦАРЯ ВИЛФРЕДА

Любимая мазь Рыцаря Вилфреда капает в язычках свеч и вместе с темными струйками воска смешивается у золоченого подножия подсвечника. Запах ее — это зов уступов фьердов, гулкая песня кедров, холодный поцелуй Селины и еще двенадцати бледнооких красавиц экебергского леса.

Мазь Рыцаря Вилфреда — это жидкое пламя музыки ночей любви, взгляд раненой чайки и дантовская игра звезд. Как память родины, ее выцветших вымпелов и фамильных охот, как вера в основу Дома мазь держит руку твердой, мысль хладной, а сердце горящим. Свойства ее — это приметы нежных июньских дождей, бархат борзых и слезы будущих юных вдов.

Словно веер смахнет боли и хвори прогонит прочь. Мазь — злые призраки гарпий, впившихся в душу.

Шелестит дуб города Вестканта, срубленный пять сотен лет назад гербовым ветром, застряла заря в ветвях его — это цвет любимой мази Рыцаря Вилфреда.

Благоухает бутон черной розы на мраморной груди Мириам — это запах любимой мази Рыцаря Вилфреда.

Запах кровопийц — это серебро, омоченное в остывающем закате, это глаз, растертый в порошке ведьм, изглоданный зуб острием упоенья и игра шероховатостей книг Эшера. Запах кровопийц — это пронзенная костной сажей вечерь костра, это вино, настоянное деревом поколений, это сладость брошенных кладбищ, это вероломность дыры глаза в белом черепе, средь густотравья, сам клекот крылатого мрака и пришепетывание червленых ягод, дым и пепел романских столетий, слепые сны полушепота рыцарских баллад.

■

Блеск стали креста старого кладбища — это ветер, влюбленный в смерть луны, это грусть перед тенью грядущего Армагеддона, деревенские песни девиц, пронзенные стрелою половца, это ущерб дня и сквозняк времени. Так блекнет око умиротворенного оборотня и вновь правит солнце и день.

Блеск стали креста старого кладбища виден в ночном облике губ любимой, лишь вороново крыло соперничает с ними в отражении глубины русских омутов. И как слеза Христа мелькнет угасанием алого вечернего яблока, звезда брошенного погоста и опять черный глаз скворца, недоверчивый и теплый, зовет зреть блеск стали креста старого кладбища.

■

Он бьется о мутное стекло. Безысходность и тщетность сыплется пыльцой с его серых крыльев. О, мой ночной мотылек, так быстро вкусивший время жизни, стена стекла никогда не даст тебе свободы. Лишь дрожжание твоих ветхих крылышек, поношенных и побитых, окунает меня в умершую ночь с ее глазом луны и теплыми поцелуями дуновения ховитого ветерка.

Ночь — мир твой и дом твой. А сейчас только трепет пыльного лоскутка на фоне затянутого сигаретным дымом утра, таких ненужных сейчас бокалов с недопитым вином и кресла, помнящего еще округлость форм твоих.

■

Сергей Харчев

Сегодня Сергей Харчев — репортер областной газеты. Постоянные читатели "Забайкальского рабочего" знакомы с его критическими заметками "на злобу дня" и несколько меланхолическими очерками постылого, но такого реального быта и его проблем.
А лет десять назад знаменитый харчевский, почти как у Гоголя, нос из-под кожаной кепки считался едва ли не самым отличительным признаком читинского декаданса в среде молодежной окололитературной тусовки.

Александр Жидков

Он понятия не имеет, кто такой Хармс, его никогда не интересовал Кафка. Просто автор обладает редкой возможностью, взрослея смотреть на мир глазами ребенка.

ТОЛЬКО ОДНА ЭПИСТОЛА АЛЕКСАНДРУ СЕРГЕЕВИЧУ

№1. Из весей.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Продолжая предыдущее послание, дополню, что Михаил Юрьевич был военным и носил синий мундир. Служил на Кавказе. Царь загнал его туда за запретные стихи. Царь был жестокий, думал только о себе и нисколько не заботился о последующем величии русской литературы.

А предки мои, м.г. А.С., родом из села Дымовского. Название свое оно получило еще в пятнадцатом веке — при царе Горохе. Там все жители топили печи болотно-торфяной смесью и от этого было много дыма. Вот и стало село Дымковским. Тут жил еще мой пра-пра-пра-прадед Афонасий Поликарпов сын Лапоть. Летом собирал грибы и ягоды в близлежащих лесах, отрабатывал барщину, сам пахал землю на мерине Батыр. Осенью с рогатиной ходил — (хаживал) — на медведя. Один раз медведь напал на него из-за елки и так напугал, что дедушка Афоня оглох на оба уха, как великий Бетховен. Но убежать успел. Ведь если бы он не убежал, а погиб там насмерть в медвединых объятиях, то и я по цепочке родственной преемственности не смог бы родиться, и неизвестно, кто бы потом писал тебе эти письма. Прыткий был дед Афонасий. Избу он сам рубил из свежего теса. Пришел урядник и сказал, что здесь избу рубить нельзя, тут тамошний помещик Загыгайлов землями владеет. А дед Афоня ему в ответ: "Уходи, Ыржинбек Нефомокторыч, а не то худо будет! Я сам себе, бля, барин, и Фекла моя (это пра-пра-пра-прабабушка, ныне, к великому сожалению, покойная. А.П.) тебе об этом не раз уже говорила! С Полидором Тихоновичем мы сами язык найдем, даром, что он человек заграничный, и окромя тилорольского и мертвой уже латыни никакой мовы не знает". Поверил ему урядник и отошел. Вот какой был дед Афонасий Лапоть!

Я совсем не в него. На медведя я ни разу не ходил. Придерживаюсь принципа "ахимса", то есть, не убий ничего живого, а только созерцай и любуйся. Напиши, если будет свободная минутка, о том, что имеешь сообразить по данному поводу.

В окошко теперь лучше не смотреть. То птица Феникс пролетит, то лещ проплывет... Такое впечатление, что облака попадали вовсе с крутизны небосклона и разбились в мелкие кусочки, а бабы из окрестных деревень ходят с лукошками и собирают обломки в подол, чтобы заготовить на зиму.

Зимы в наших селах еще и при царе были долгими и скучными, а сейчас тем паче.

Обязательно займись чем-нибудь интересным. В "Орлаговад", например, играть выучись. Сходи в филармонию или в музей — сейчас очень много интересного. Неправда, что тоской не вылечишься. Это смотря от чего лечиться. Можно творчеством заняться: вырезать из кореньев, собранных на Пасху в лесу, различные красивые фигурки, например, оленей, лисиц, нетопырей. Впрочем, можно и персонажей финских народных сказок. Там, помнится, были таттли, стибблы и ждорбы. Но это сложнее, лучше научись с оленей и лисиц.

Многое чего еще имею написать, но не смогу на машинке лентою. Так что рация что, Сергеевич, действительно понадобится. А про разных интересных людей и о не очень интересных событиях расскажу в иных эпистолах. На этом буду заканчивать и распрощаюсь с тобою по-божески. Храни тебя, Никодим Аримафейский.

Постскриптум: крышку от распределителя достану на той неделе.

■

Ирина Чернышкова

ЧТО Ж, МИТЬКА

Что ж, Митька! Прежде всего тринадцатый... Что такое любовь? Тринадцатый! Себя тоже уважать надо, чего себе-то желаешь? Как так всем желаешь добра и счастья, и я, мол, такой-сякой, что остается купить шнурок и удавиться? Себе тоже нужно желать жить, жить хорошо, а хорошо жить — еще лучше. Верно? Ну? Самобичевание, естественно, иногда полезно, и все люди в разные моменты жизни начинают себя проклинать. Было, было, ушло. И если существует где-то, только в закоулках памяти. Периодически вытаскивается на свет, но ты же большой, сильный, понимаешь, что не надо тормозиться на этом. Впредь головой тысячу раз подумаешь — хочешь ты что-либо повторять из того, что было, или нет. Ведь не все же было так ужасно. Что-то хорошее тоже было. Слишком нудно жить праведником, как Нарцисс, и поучать при этом других. Мы все равно все абсолютно в чем-нибудь да грешны. Учимся, как самые натуральные дураки на своих ошибках. И что?

Хочешь большой и светлой любви — заставь, прежде всего, полюбить в себе просто человека, а потом уже и все остальное. Потом, любовь, а точнее, может быть, и привязанность, и то и другое у женщины все равно поддерживается желанием подойти и погладить по голове. Не всегда, конечно, но в определенное время, когда ты начинаешь говорить, да я такой вот нехороший и прочее. А если я вижу, что ты добра всем желаешь — добрый, так много знаешь — умный, сам чего-то умеешь — интересный? Чем больше ты это говоришь, тем больше хочется доказать, что все наоборот.

Мы по собственной инициативе делаем свой мир или черным, или белым. А он как был, так и будет разноцветным.

И ехать по этой жизни нужно все равно осторожно, рисковать и останавливаться и опять рисковать. Всего в меру. Все можно, но так — гармонично. Прежде всего с собственным "я" гармонично. Никого же не надо насильно переделывать, нужно, чтобы человек сам этого захотел. Правда?

Я бы сейчас очень стала кривить душой, если бы начала говорить, что, например, пиво вредно и ой как нехорошо. Может быть для кого-то и нехорошо, так что? Любите меня такой, какая есть. При хорошей компании мне и без пива хорошо.

А если тебя не понимают сразу, что же, очень скучно все понимать до конца. Можно оставлять что-нибудь про запас. Догадайся, мол, сама. Что-то не ясно. Ну объясни, покажи, поспорить иногда тоже неплохо. Можно зачастую середину найти. Да? Чтобы уйти и не грешить впредь, надо уходить в пустыню или в монастырь. И может это и легче всего. Труднее остаться на своем месте и не согнуться. Что ж, длинный, будь еще выше и довольствуйся тем, что дают. Хочешь большего — делай сам. Нет этакого блюдечка с голубой каемочкой. Не существует. Поспешишь, говорят, людей насмешишь. Бог терпел и нам велел. Так что, не болей. Экзорсизм грозит худшими бесами. Помнишь?

VAE VICTIS— ГОРЕ ПОБЕЖДЕННЫМ!

Из учебников по истории мы знаем, что в те грозные годы далеко не все громили и растаптывали родную страну, чтоб были люди, отчаянно противостоящие злу. И мы помним, что имя тем отчаянно противостоявшим — "Белые".

Белая эмиграция, как известно, делится на две неравные части — Западную и Восточную. Судьба Западной, большей части, была в свое время хоть как-то затронута нашим кинематографом — картина "Бег" и еще пара других. А вот горькая участь Восточный ветви эмиграции до сих пор остается в тени. Подавляющее большинство россиян и не подозревает, что была такая. Знают или слышали, пожалуй, лишь об атамане Семенове. А ведь это целый пласт русской истории, почти нетронутый литературой и кинематографом. В одной Маньчжурии (ныне Северный Китай) в разные периоды перебывало 250-300 тысяч наших соотечественников (по меньшей мере треть из них попала потом в мясорубку КГБ (МГБ).

Григорий Михайлович Семенов — историческое лицо. Его жена и пятеро детей — два сына и три дочери — тоже реальные люди.

Покинув Россию, люди из отрядов генерала, как и он сам, нашли себе прибежище на территории Маньчжурии, Китая и Кореи.

Трагедия семьи (как и всей Восточной эмиграции) началась в конце 2-й мировой войны, когда генерал и его дети жили в городе Дайрене (русское официальное название — Порт Дальний, а ныне в Китае — г. Далянь). Этот город, как и вся Маньчжурия, был в то время под оккупацией Японии.

9-го августа 1945 г., помогая Соединенным Штатам, СССР вступил в войну с Японией. Японская армия в то время была в шоке после Хиросимы и почти не оказывала сопротивления. К началу сентября (за три недели) советские войска прошли всю Маньчжурию, заняли города Порт-Артур и Дайрен.

Но еще до прихода танков и войск, еще 22-го августа вблизи Дарена был высажен специальный десант МГБ. Специальный — для захвата генерала Семенова.

Несколько позже были арестованы и все его дети, знавшие о революции и гражданской войне только из учебников, т.к. родились в эмиграции.

Неважно, что по общечеловеческим законам сын за отца не отвечает. В московских кабинетах рассудили по-своему, и судьба семьи была предрешена.

— 30-го августа 1946 г. в Москве был казнен Г.М. Семенов.

— 18-го марта 1947 г. в Уссурийске (Приморский край) был расстрелян один из его сыновей — двадцатитрехлетний Михаил (еле умевший передвигаться в результате перенесенного в детстве полиомиелита).

— Старшая дочь генерала — Елена, у которой при аресте отняли шестилетнего сына, не выдержала Лубянки: лишилась рассудка. В лагере она пыталась покончить с собой, бросившись на "запретку" (забор из колючей проволоки), чтобы ее убила охрана. Но ее только ранили. Елене больше не суждено было увидеть свободы. В тюрьмах, лагерях, а затем за заборами психиатрических заведений она провела в общей сложности сорок шесть лет!

— Трое остальных детей генерала прошли через ад внутренних тюрем МГБ и ГУЛАГа, но выжили. Вероятно, только за счет своей молодости.

В настоящее время в живых (и в здравом уме) остались только две дочери Г.М. Семенова — Татьяна и Елизавета. Их старший брат Вячеслав умер в Симферополе в 1994 году. А их душевнобольную сестру Елену нашли, наконец, возможным выпустить из психиатрической лечебницы и она с ноября 1994 г. находится на попечении Татьяны в г. Новороссийске.

В настоящее время готовы две части литературного сценария. Третья и, вероятно, четвертая части (арест детей атамана, допросы, лагеря и т.д.) могут быть написаны только по согласованию с тем режиссером, который заинтересуется этим материалом. Сегодня мы предлагаем пролог произведения "Черный след" (название условно).

Н. М. ЯВЦЕВ, русский моряк,
зять атамана Семенова. Австралия, Сидней.

ЧЕРНЫЙ СЛЕД

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ

1921 год СЕНТЯБРЬ

На большой поляне у самой кромки леса стоит рубленый дом лесника с несколькими хозяйственными пристройками тоже рублеными. У дома — крыльцо из трех ступенек с навесом.

На поляне — военный лагерь: палатки, солдаты, казаки, офицеры, много лошадей. Несколько раз повторяются чьи-то команды:

— Всем строиться!

— Казакам без коней!

— Всем строиться!

— Без коней!

По узкой лесной дороге из-за кустов выскакивают три всадника: один казак и двое в штатском. Один из штатских одет по-крестьянски, другой — в городской небогатой одежде.

У дома всадники спешиваются. Тот, кто в городской одежде, быстро оглянувшись по сторонам, спрашивает:

— Где?

Сопровождающий казак кивает на дом. Оба в штатском идут к крыльцу.

Генерал сидит за простым деревянным столом, подперев голову кулаком. Услышав звук открываемой двери, генерал поворачивается.

Двое в штатском стоят у двери по стойке "смирно". Лица обоих расплываются в улыбке. Генерал вскакивает, идет к двери.

ГЕНЕРАЛ: — Виктор! Аркадий! Наконец-то!.. Как Лена?

ВИКТОР: — Ваша супруга в безопасности, Ваше превосходительство!

АРКАДИЙ: — С Божьей помощью доставили в Порт-Артур.

ГЕНЕРАЛ: — Когда выехали из Порт-Артура?

АРКАДИЙ: — Три недели назад, Ваше превосходительство.

ГЕНЕРАЛ: — Так долго добирались?..

АРКАДИЙ и ВИКТОР разводят руками.

ГЕНЕРАЛ сочувственно кивает головой.

ГЕНЕРАЛ обнимает одного и другого, повторяет:

— Спасибо… Век не забуду…

ВИКТОР: — Это не все, Ваше превосходительство…

ВИКТОР достает из внутреннего кармана пакет, подает ГЕНЕРАЛУ:

— Портрет Елены Викторовны. В Порт-Артуре сделали в последний день.

ГЕНЕРАЛ открывает пакет. Крупно — ФОТОГРАФИЯ ЕЛЕНЫ. (Елена должна быть узнаваемой спустя 15 лет.)

В дверь входит и вытягивается офицер в погонах полковника.

ПОЛКОВНИК — Господин Главнокомандующий! Люди построены!

У кромки леса построен в две шеренги отряд численностью в 200–300 человек. Отряд состоит из солдат, казаков, офицеров. Вооружение: винтовки со штыками, у казаков — шашки и карабины. Форма у всех обтрепана. Офицеры стоят в двух шагах впереди своих подчиненных.

Генерал идет вдоль строя, вглядываясь в лица стоящих. Лица выражают усталость, ожидание, равнодушие. Где-то посередине строя ГЕНЕРАЛ останавливается.

ГЕНЕРАЛ: — Вольно!

Офицеры, полуобернувшись к своим людям, повторяют команду.

ГЕНЕРАЛ говорит громко, с глубоким чувством:

— Сыны Отечества! Мужественные сыны многострадальной России! К вам обращаюсь я с болью душевной…

Тяжелые бои последних недель… дезертирство малодушных… ослабили наши ряды.

Вы знаете: большая часть Дальнего Востока на данный момент — в руках большевиков. Вы знаете: японцы уходят. Мы лишены сейчас возможности пополнять наши войска людьми и боеприпасами. Слушайте мое слово, сыны Отечества!

Силы сейчас слишком неравны. Я не могу допустить бессмысленной гибели людей… и потому созвал Военный Совет.

Сегодня ночью было решено: мы должны отступить в Монголию и Маньчжурию, туда, где мы начинали. Утром командиры разъехались по своим отрядам, чтобы вести желающих через горы за границу. Я подчеркиваю: только желающих!

Я обращаюсь к вам, боевые соратники! У кого есть что терять здесь, в России, кто считает, что сможет жить под большевиками, — идите домой. Прямо сегодня, сейчас идите… Никто вас не осудит, это ваше право.

Остальные!.. Кто хочет со мной… подойдите к полковнику Малыгину. Сегодня ночью вы погрузитесь на пароход, идущий за границу.

ГЕНЕРАЛ поднимает руку, возвышает голос:

— Я хочу, чтобы вы поняли правильно мои слова! Это не конец!.. Мы не зря проливали нашу кровь… Отступив за границу, мы будем собирать силы. И соберем, я верю! В силу русского духа верю! И мы еще будем стараться спасти Россию!..

А пока… спасибо за службу Отечеству, боевые мои соратники! Спасибо!

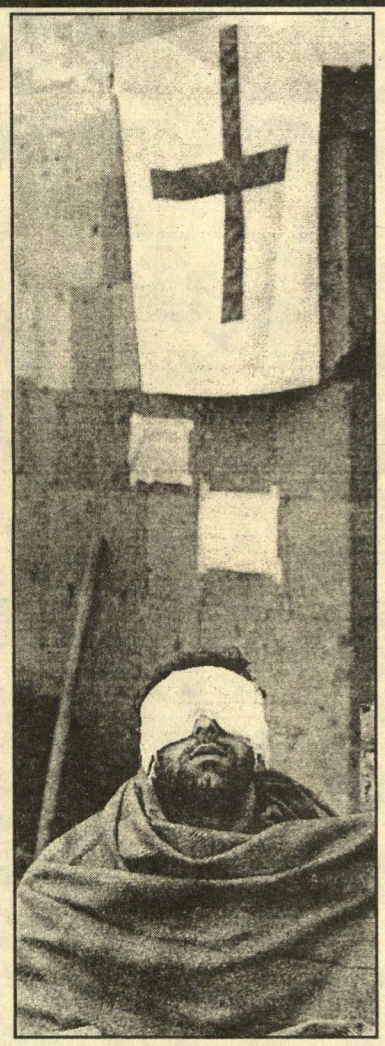
ГЕНЕРАЛ снимает фуражку, низко кланяется, выпрямляется.

— А теперь — с Богом!

Отряд рассыпается. Все смешиваются. Многие окружают полковника Малыгина. Кто-то с кем-то обнимается, прощаясь. Кто-то садится на лошадь и едет в сторону леса.

Крыльцо дома лесника. Открывается дверь. Выходит ГЕНЕРАЛ, смотрит вокруг. На поляне — пусто: ни палаток, ни солдат.

Рядом, у коновязи, молодой адъютант МАКСИМ ТОМИЛИН возится с лошадьми.

Генерал садится на ступеньку, прислоняется к перилам, достает из кармана часы. Часы показывают 4 часа 35 минут пополудни.

К генералу подходят Виктор Макаров и Аркадий Громов, уже переодетые в военную форму.

ГРОМОВ: — Ваше превосходительство! Что делать с пленным комиссаром?

ГЕНЕРАЛ поднимает голову, смотрит, словно не расслышав или не понимая, о чем речь.

МАКАРОВ: — В амбаре у нас трое пленных…

ГЕНЕРАЛ: — А… Ну, ведите их сюда.

Офицеры идут к амбару. Один отпирает замок, распахивает дверь:

— Выходи! Руки назад!

Выходит молодой (не более 25 лет) худощавый человек в кожаном "галифе", кожаной "комиссарской" куртке и такой же фуражке со звездочкой. За ним два красноармейца в обтрепанной форме. Оба средних лет.

Все трое под конвоем офицеров идут в дому, останавливаются в четырех шагах от крыльца.

ГЕНЕРАЛ сидит и молча, с легкой усмешкой, разглядывает пленных.

Видны простые, неприметные крестьянские лица красноармейцев. Они испуганы, боязливо озираются по сторонам, топчутся на месте.

Молодой человек в кожаном, наоборот, держится независимо, почти вызывающе, выставив одну ногу вперед. У него приятное, возможно, красивое лицо. Вероятно, он из студентов. Его не портит даже красно-синее родимое пятно на шее, прямо под правой щекой. Это пятно, величиной с человеческое ухо, напоминает очертаниями Африку.

(Эту или другую метку комиссар должен иметь обязательно: через 23 года человек с такой меткой снова появится перед зрителем.)

КОМИССАР стоит, держа руки за спиной. Смотрит исподлобья.

ГЕНЕРАЛ продолжает сидеть, подкручивая ус. Смотрит хмуро куда-то мимо пленных.

Пауза затягивается. КОМИССАР не выдерживает, кричит:

— Ну, расстреливайте! Не тяните!

ГЕНЕРАЛ вскидывает глаза, говорит сдержанно:

— Не торопись умирать, комиссар… Не торопись…

КОМИССАР:

— Я не тороплюсь, это вы торопитесь!.. Вы так спешите удирать, что чуть не забыли расстрелять нас!

ГЕНЕРАЛ встает рывком, делает шаг вперед, правая рука тянется к шашке.

Глаза всех пленных испуганно следуют за движением ГЕНЕРАЛА, их тела непроизвольно отшатываются назад.… Но рука ГЕНЕРАЛА только чуть перемещает шашку на поясе и поправляет портупею.

Прежде, чем вымолвить слово, ГЕНЕРАЛ отрицательно качает головой, потом говорит с нажимом, чеканя слова:

— Нет, мы не удираем, комиссар… Мы от-сту-паем! Запомни, комиссар: мы придем еще, чтобы спасти Россию от вас…

КОМИССАР, понимая, что терять ему уже нечего, кричит вызывающе:

— Вы отступаете? Да вас уже нет! Вы уже не существуете! Вы разбиты!..

КОМИССАР рвет рубаху на груди:

— Стреляйте, чего вы ждете?.. Рубите!..

ГЕНЕРАЛ резко взмахивает рукой, тоже кричит:

— Прекрати истерику, гер-рои… Ты все сказал, комиссар?

КОМИССАР — Не все! Еще скажу: вот сейчас мы умрем, но все, кто останется… будут знать… и весь мир будет знать — сегодня мы разбили твои последние банды!.. Осенью двадцать второго года мы, большевики, изгнали из России последнего Белого генерала, последнего казачьего атамана! Теперь все, можете стрелять…

ГЕНЕРАЛ сжимает челюсти. Глаза метнулись в сторону Максима Томилина. Максим бросает лошадь и хватается за винтовку. Оба офицера выхватывают револьверы.

Глаза КОМИССАРА встречаются с бешеным взглядом МАКСИМА.

ГЕНЕРАЛ, резко — Отставить! Опустить оружие! Они свободны…

ГЕНЕРАЛ переводит сверкающий взгляд с офицеров на КОМИССАРА. Смотрит в упор. Так они стоят друг против друга — БЕЛОГВАРДЕЙСКИЙ ГЕНЕРАЛ и КРАСНЫЙ КОМИССАР. Побежденный и победитель.

ГЕНЕРАЛ начинает говорить как бы сквозь зубы, но заканчивает насмешливо:

— Пусть комиссары знают… и пусть помнят: последний Белый генерал дарует им жизнь… Тот самый… последний Атаман, кого они изгоняют из России…

ГЕНЕРАЛ усмехается:

— Ха… Забавная ситуация, комиссар, а? Побежденные дарруют жизнь победителям! Как ты это находишь?

ГЕНЕРАЛ нервно смеется. Улыбаются, хотя и натянуто, его подчиненные.

ГЕНЕРАЛ обрывает смех:

— Все. Убирайтесь к своим. Живо! Ну?!.

Оба красноармейца, не веря своим ушам, растерянно оглядываются, кланяются, наперебой говорят:

— Спасибо, господин генерал! Спасибо, отец родной!

— Век будем Богу молиться!

КОМИССАР понимает обстановку по-своему:

— А… Вы хотите расстрелять нас в спину!.. Не выйдет, мы не из трусливых!.. мы и так можем… На!..

Он до конца разрывает рубаху, обнажает грудь: — Стреляйте в грудь, бандиты!

МАКАРОВ, презрительно — Пошел вон, сопляк!

Оба красноармейца кидаются к КОМИССАРУ, хватают сзади:

— Заткнись, дурак!

— Заткнись, сволочь!

Один красноармеец тянет упирающегося комиссара за руку в сторону леса, другой подталкивает его в спину.

ГЕНЕРАЛ смотрит, насмешливо кричит:

— Зачем стрелять в вас? Вы сами перегрызете глотки друг другу!

К ГЕНЕРАЛУ подходит бородатый ЛЕСНИК.

ЛЕСНИК — Пора ехать, Григорий Михайлович.

ГЕНЕРАЛ — Максим! Капитан! Аркадий! Но коням!

Солнечное утро. Около 10 часов.

Просторный причал морского вокзала. По карнизу здания. вокзала — красивыми большими буквами: ВЛАДИВОСТОКЪ.

■

ПЕСНИ САТАНЫ

Анатолий Кайгородов

Удивить кого-то красотами природы в Трехречьи было невозможно. В особенности нас — старожилов. Есть все, что угодно. И высоченные горы — гольцы, и низкие сопки, поросшие лесом разных пород, и крутые лога — овраги с говорливыми, буйными в половодье речушками, и просторные степи, если ты любитель неоглядных далей.

И все-таки мы с младшим братишкой, возвращаясь из таежных верховьев Дербукана, не устояли перед ней. Не доехав версты четыре до своей заимки, мы остановились ночевать в устье небольшого ложка с тунгусским названием Жолондо. Ложок, а точнее большой овраг, в тот летний вечер представлял прямо-таки чарующую картину. На его солнечной стороне росли сосны, росли строго очерченными ярусами. Было такое впечатление, что лес насажен рукой человека ярусами с интервалом посадки в несколько десятков лет. По нижнему росли очень высокие, толстые великаны с крохотной кроной на самой макушке, чуть выше — прекрасный для распиловки и постройки домов лес, два верхних яруса заполнила молодая пушистая поросль. В лучах вечернего солнца стволы сосен и сосенок выглядели медно-красными, а хвоя салатного цвета с золотистым оттенком. Другая, более крутая сторона оврага сплошь заросла ельником. Деревья большие и малые росли вперемешку и, так как были в тени, казались почти черными. Эта сторона оврага была менее привлекательной, но по-своему тоже красивой и очень величественной.

У самой тропы стоял односкатый берестяный балаган, валялось много дров, тут мы и остановились на ночлег. Брат повел на луг путать лошадей, а я стал варить чай. За водой хотел было спуститься к ручью на дне оврага, но, увидев справа от тропы крохотный ключик, из которого фонтанчиком била кристально чистая вода, я наполнил свой котелок. Вскоре вернулся брат. Оба мы не могли не заметить, что вода в котелке закипела неестественно быстро. Брат попытался объяснить это качеством лиственичных дров. Я бросил в кипящую воду изрядную порцию хорошего китайского чая, и мы приготовились поужинать. Каково же было наше удивление, когда мы увидели, что чай совершенно не заварился, кипяток был чуть желтоватым и очень невкусным. Стали искать причину и быстро ее нашли: ключик оказался не с простой водой, а минеральной, как припоминаю, по вкусу очень похожей на "боржоми".

До сих пор мне не ясно, как могло так случиться, что никто из множества проезжавших мимо охотников не обратил на ключик никакого внимания. По крайней мере, я ни разу и ни от кого не слышал рассказа о необычной воде. Чаю мы, конечно, напились, взяв воду из ручья, но чудеса с оврагом на этом не закончились...

"Вася, а Вася, — толкнул я брата, — ты слышишь, в лесу кто-то кричит.., не то плачет, не то хохочет". Брат (ему было 12, мне — 14) неохотно приподнялся с постели и тоже стал прислушиваться. "Ветер, это ветер в вершине ложка, — успокаивал он меня, — ночами ветры всегда дуют от вершины к устью". Вася откинулся на потник и с головой укрылся одеялом.

Я просидел у костра до самого рассвета. Мне было страшно. Из оврага доносился то идиотский смех, то плач со скрипучими причитаниями, то звуки, похожие на протяжное мяуканье. Особенно неестественно громко, порой с прищелкиваниями и звуками, похожими на шлепанье ладошками. Куда там соловей-разбойник!

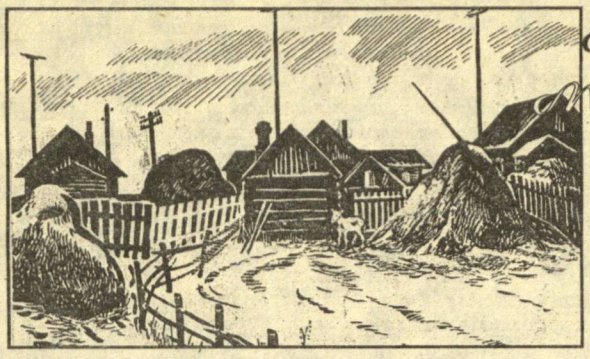
Но вот что странно. Когда начинался день и мы приготовились покинуть ночлег, никаких звуков из оврага уже не доносилось. Не было их и с вечера.

В деревне я встретился с Тимофеем Катковым. Это он построил односкатный балаган и провел в нем не одну ночь. "Что ты, что ты, — замахал на меня извечно неудачливый охотник, прозванный "Опять на фарт", — там же сплошная нечистая сила! Как же это ты, паря, такой грамотный, а надумал там ночевать?" Дальше Тимоха пожаловался, как испортил козулятину, сварив ее в воде из ключика, как понапрасну извел заварку, а еще дальше пошло сплошное вранье. Тимоха уверял меня, божился, что видел, как ведьма пила из ключа воду, что вместо волос у нее еловые ветки, слышал, как черти плясали и пели в вершине ложка...

Старый эвенк долго объяснял мне значение слова "Жолондо" на их языке. Из рассказа и жестикуляций я понял, что это нечто похожее на "песни сатаны", "песни нечистой силы". Но за верность перевода не ручаюсь.

Русский профессор-геолог в Харбине странные звуки в овраге объяснил "удачным" сочетанием крутых изгибов в овраге с расположением крупных деревьев по их склонам. Не последнюю роль он отвел и направлению ветра. Источником свиста, по его мнению, могли быть камни, или даже один "фигурный" камень.

■

СОННЫЙ ИСТОЧНИК

Анатолий Кайгородов

Случай этот произошел в Маньчжурии, в отрогах Большого Хингана, близ реки с русским названием Быстрая (сейчас Нюэрхэ), примерно в 1950 г. Отец мой, извечный охотник, кочевал на вьючной лошади из одного распадника в другой. На пути лежал невысокий, но довольно широкий хребет, густо поросший величественными лиственницами с густым, колючим подлеском.

День выдался жарким. Под ногами хлюпала грязная вода, но... ни самому напиться, ни напоить коня.

И вдруг счастливый момент — отец отчетливо слышит, как за стеной деревьев звенит ручей.

Не без усилий пробившись сквозь подлесок, среди которого стояли высоченные, но почему-то высохшие деревья. Он оказался на крохотной полянке, посреди которой располагалось небольшое озерко, размером приблизительно две на три сажени... На поверхности озерка ни одной травинки, не вьются над водой ни стрекозы, ни мошкара, не видно и не слышно ни одной птахи. Зато на другой стороне водоемчика в траве лежит дикий козел, видать, мертвый, потому что козули лежат обычно на брюхе, подогнув под себя ноги, этот же лежит на боку, вытянув все четыре ноги в одну сторону.

Вода в озерке была странного, почти синего цвета, а если сквозь тучи на нее падал луч, она мгновенно приобретала красивый зеленоватый оттенок. Такая смена цветов и странная безжизненность вокруг насторожили отца, и он не спешил утолять жажду. Осматривая местность вокруг озерка, он увидел большой камень, своими очертаниями очень похожий на приготовившегося к прыжку медведя. Примерно в аршине над поверхностью воды из камня-медведя бил ручеек, он-то и звенел как колокольчик. И что любопытно: как только цвет воды становился синим — точно такой же цвет приобретал и камень, как только вода зеленела, мгновенно зеленел и камень. Однако вода, бьющая из камня, была ярко серебристого цвета.

Привязав лошадь к дереву, отец подошел к берегу и ладонями зачерпнув воду, поднес ее ко рту. Вода была необыкновенно холодной, но не казалась ни синей, ни зеленой, и имела довольно приятный вкус. Он напился сам и досыта напоил лошадь. И только хотел подойти к козлу, узнать, что с ним случилось, как его сильно потянуло ко сну. Отец, как в бреду, стащил притороченное к седлу одеяло, хотел привязать коня, но... вдруг все исчезло, он как будто потерял сознание...

Проснулся, судя по солнцу, часа через два — два с половиной. Сразу же вспомнил о лошади. Каково же было его изумление, когда он увидел свою спутницу лежащей на боку в неудобной позе... Кобыла храпела, она явно спала. Когда он дернул ее за повод, она приподняла голову и посмотрела на хозяина ошалелыми глазами. Затем, как будто стыдясь за свою слабость, быстро и легко вскочила на ноги. Сонливость у отца, видимо, и у его лошади прошла очень скоро. Он посмотрел на тот берег, но там козла уже не было.

Потом Жернаков обсуждал возникшую проблему с известным в Харбине химиком Шамраем. Мне он пояснил, что в природе может быть всякая всячина. Возможно, камень-медведь скрывает выход каких-то загадочных пород, которые в связке с водой образовали природное сильнодействующее "снотворное". И так как ни с человеком, ни с конем ничего плохого не произошло, то можно полагать, что "снотворное" безвредно. Что же касается изменений в цвете, то ученые полагают, что это игра солнечных лучей, и не более, в чем я несколько усомнился. Одним словом, тайна источника осталась неразгаданной...

Станция Драгоценка,
Хулунбуйярского аймака КНР.
Чита–Москва.

Людмила Литюкова

художник

Елена Стефанович

Как будто я вовек не уезжала
из этих дорогих до боли мест.
Вонзает память прямо в сердце жало,
и вижу старой церкви серый крест,
и сеновал у дедовой ограды,
и вижу, как жует сенцо телок.
И дед, и бабка мне,
как прежде, рады...
И здесь бессилен самый ловкий слог.
Пройду тихонько вновь по огороду,
и к речке по тропинке пробегу.
И тают, как ледок, лихие годы.
Я вновь без деда с бабкой не могу.
Они как будто ожили из праха...
Теченье лет не так уж и страшит.
Мелькнула жизнь,
как в синем небе птаха,
и внук мой вслед за мной
к реке бежит...

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ УГРЮМА

Борис Макаров

Хозяин Угрюма умер. Он был хорошим человеком, добрым, веселым. И почему он назвал Угрюма Угрюмом, пес не знает и не понимает до сих пор.

Когда-то у Хозяина была семья — жена, дети. Жена умерла. Дети разъехались.

Несколько лет они жили вдвоем — Старый Хозяин и Старый Угрюм. Жили дружно и даже сытно. Иногда, как и в прежние времена, — весело. Особенно в те дни, когда Хозяин получал пенсию.

В последние годы у Хозяина сильно болели ноги. Стали болеть ноги и у Угрюма. Это еще больше сблизило человека и собаку. Часами просиживали они на крыльце, неторопливо беседовали о жизни. Говорил Хозяин. Угрюм тряс головой и иногда прижимал ее к плечу человека. И им было хорошо.

Но вот Хозяин Угрюма умер. Пришли люди. Разобрали крыльцо и его досками забили окна дома.

Угрюм к людям не подходил. Не лаял. Понимал — звать некого.

Прошло несколько дней, и пес почувствовал, что он голоден, очень голоден. Обошел двор. Обнюхал все углы и закоулки. Нашел старую кость, принес ее к наглухо закрытой двери дома. Погрыз, полизал. Есть расхотелось.

Дня два назад во двор заглянул сосед, увидел Угрюма. Сжалился, принес банку воды и кусок хлеба. Угрюм полакал воды. Хлеб есть не стал.

Минувшей ночью пес попытался встать, подойти к банке с водой. Не смог, не подчинились ноги.

Своей слабости, беспомощности Угрюм не испугался. Он с трудом вытянул передние одеревеневшие лапы и положил на них тяжелую голову.

Старый пес спокоен.

Хозяин умер.

Обезлюдевший дом умер.

Крыльцо, на котором когда-то по вечерам сидели они — старики, умерло.

Сегодня умрет он.

САМОЕ ГЛАВНОЕ

Имени у нее нет и не было никогда. Не было имени и у ее матери. Иногда люди обращаются к ней: "Эй, собака". Но слово "собака", хотя и отзывается на него, она своим именем не считает, потому что знает — так люди окликают и других ее сородичей.

Отсутствие имени не унижает и не обижает ее. У собаки есть главное — крыша, ну, а, если есть крыша, значит, есть жилье, дом. Крышей ее дома является пол-крыльца заезжего дома для шоферов-рейсовиков.

Шофера-рейсовики привозят в село почту из областного центра.

Бензин нынче дорогой, и они приезжают сюда один раз в два дня.

Ночуют в "заежке". В столовую ужинать, завтракать не ходят. Тоже дорого. Варят себе суп и кашу из привезенных продуктов. Пьют чай с привезенным из города хлебом.

В собственном доме под крыльцом "заежки" собака живет уже лет пять. За эти годы у нее несколько раз появлялись щенята — по одному, по два. Природа мудра — больше бы собака не выкормила. К людям она не подходит и ласки их не выпрашивает. Слишком много видела она разных людей.

Отбросы собирает тщательно, но без благодарности и без заискивания перед теми, кто их выбрасывает. Они живут здесь временно. Она постоянно. Хвостом не виляет, но и по земле его не волочит. Знает — опустишь хвост, не поднимешь. Знает, что самое главное в жизни — хвост держать круто. И держит...

Поэты — находчивый народ, они не умеют жить без праздников. На днях по собственной инициативе поэты отметили день рождения Поля Верлена. Почему обязательно этого французского символиста конца XIX века? Поэты убеждены, что именно Поль оказал глубокое влияние и стал чуть ли не крестным отцом забайкальской изящной словесности.

В чествовании Верлена приняли участие Борис Макаров, Михаил Вишняков, Елена Стефанович, Елена Ерофеева, Юлия Анохина, Ольга Коваленко, Оля Шибер. С размышлениями о судьбах французской литературы и культуры, цитированием Рембо и Гюго, Бодлера и Элюара наши поэты совместили Час авторизованных переводов "друга Поля".

"ЧЛ", приветствуя творческое взаимодействие и плодотворные контакты французской и забайкальской поэзии, помещает сегодня переводческие опыты наших авторов.

Поль Верлен

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ *(подстрочник)*

Долгие рыданья
Скрипок
Осени
Ранят мое сердце
Какой-то печалью
Монотонной.
Задыхаясь
И бледнея, когда
Бьют часы,
Я вспоминаю

О былых днях
И плачу.
И я улетаю
С шальным
ветром,
Который несет
меня
То туда, то сюда,
Подобно
Опавшему листку.

ФРАНЦУЗСКИЙ ЗВУКОРЯД

Ле сангло лон
Де вьолон
Де лотон
Блессе мон кёр
Дюне лангёр
Монотон.
Ту сюфокан
Э блэме кан
Соне лёр,
Же мэ сувьен
Де журз ансьен
Э же плёр.

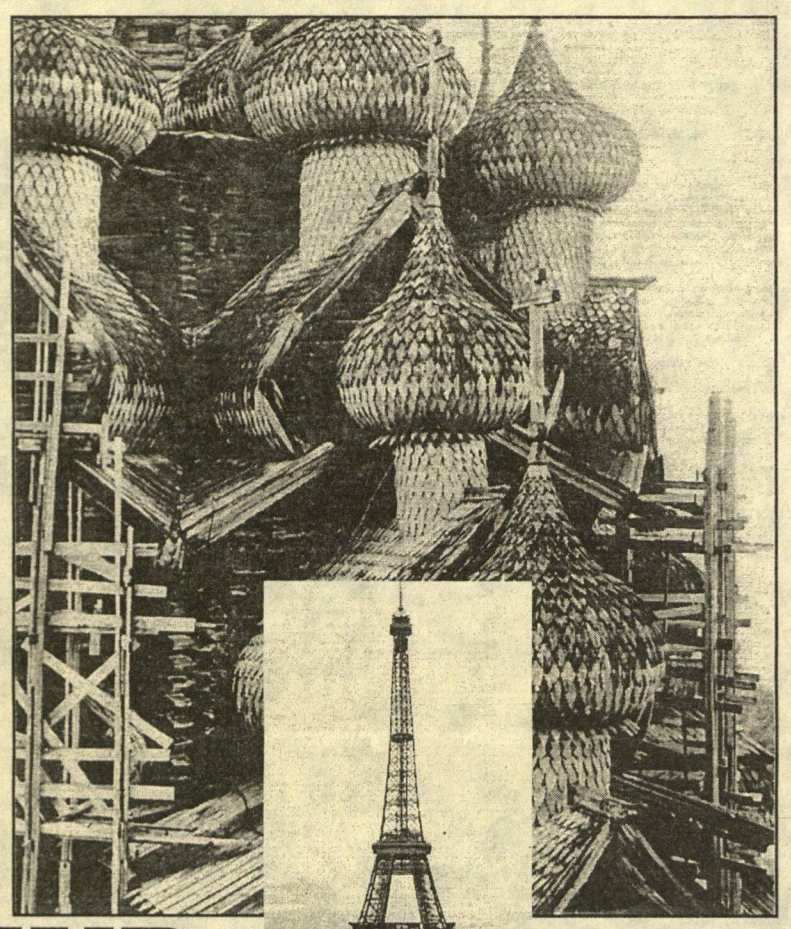
Юлия Анохина

Протяжные всхлипы
Расстроенных скрипок
Осенних
Мне сердце терзают.
От них не бывает
Спасенья.
Я в бое часов
Слышу прошлого зов
И бреду наудачу.
Все тени былого
Явились мне снова, —
Я плачу.
Душа улетает —
Ее увлекает
Шальной ветерок.
Осенняя смута
Кружит меня, будто
Опавший листок.

■

Борис Макаров

БОНЖУР, ВЕРЛЕН, ЗДРАВСТВУЙ, ПОЛЬ!

Михаил Вишняков

Ветер-скрипач,
долгий твой плач
бьется в жилье.
Лист ли шумит,
мозг ли болит,
сердце ль мое?
Вспомню, взмолюсь
и задохнусь.
Это не сон.
В бое часов —
гул голосов,
всхлипы и стон.
Я одинок.
Путь мой далек,
ветрен и мглист.
Вот и мечусь,
в души стучусь —
раненый лист.

***

Осень. Увяданье.
Долгие рыданья,
поздних скрипок стон.
Грустно и печально
сердце отмечает
монотонный звон.

Плач осеннего ветра —
Рыданье расстроенных
скрипок.
Он запутался в ветках
И стонет протяжно и хрипло.
Бьют часы.
Я устал
Без любви и удачи,
О которых мечтал,
И по прошлому плачу.
Ветер, ветер шальной,
Надоел мне твой стон
безутешный.
Сколько будешь со мной
Ты играть
Как с листком
Облетевшим?..

■

Елена Ерофеева

Маленькие скрипочки печали
по весне божественно молчали.
Лишь часы годами заскрипели,
маленькие скрипочки запели.
И зачем, о чем я вспоминаю?
Задыхаюсь на ветру и таю.
Как листок опавший улетаю
я туда, где слезы и часы...

■

Рыдает осень
скрипками печали,
и ранит сердце грустью
изначальной.
И задыхаюсь я.
И бьют часы.
И слезы —
словно капельки росы.
И я лечу, как палый лист, робея,
под скрипки
золотого листовея...

***

Скрипучая осень
на струнах из сосен
запела,
и в сердце печали
звучат изначально
сквозь пепел.
И я задыхаюсь,

Ольга Коваленко

Осени скрипки —
Щемящие всхлипы,
Рыданье...
Боль безутешна
Раны сердечной
Давней.
В бое часов

Елена Стефанович

и чувствую хаос
сквозь Время.
Все сгинуло прочь.
И утро, и ночь —
мне бремя.
Все души — больны.
И с ветром шальным
лечу на восток.
О, жизни моей
над бездной морей
осенний листок!..

■

Гул голосов
Прошлого.
Больно...
Я обмираю,
Я вспоминаю...
Плачу невольно...
Лист невесомый,
Ветром несомый,
Я улетаю.
Один я на свете, —
Куда бросит ветер —
Не знаю...

■

Слушаю, бледнею.
Горше и больнее
мерный бой часов.
Отзвук улетевших,
рано отзвеневших
милых голосов.
Жить не обещая,
плачу и прощаюсь.
Ветер так жесток.
Я лечу — далекий,
вечно одинокий,
раненый листок.

■

Ольга Шибер

Как скрипка, плачет листьев звон
И сердце ранит.
Печальный, монотонный сон
Мой слух туманит.
Бледнею, задыхаюсь я.
Часов удары
В былые дни зовут меня,
Где я не старый.
Я вместе с ветром улечу
Душой уставшей
Туда, сюда, — куда хочу!
Как лист опавший...

■

Ростислав Филиппов

ГУЛЛИВЕР СИБИРСКОЙ ПОЭЗИИ

Есть поэты занудливые. Пишут много, скучно, как на одной струне играют. Хуже казни не придумаешь.

Есть поэты глупые (прости, Господи), но сами это не замечающие, пребывающие в неведении счастливом. У них, в отличии от поэтов первой категории, встречаются иногда неожиданные образы и строки, но они, кроме самих себя, никого не читают и читать не желают.

А есть поэты большие, как Ростислав Филиппов. Рядом с ним чувствуешь себя словно с Гулливером. Его ничем Господь не обидел: ни ростом (даже в имени — Ростислав), ни умом, ни талантом. Коли случайно возникнет чисто мужская компания, то и здесь редко кто против него устоит.

Нынешние литераторы, независимо от цеховой культуры, затаились и все свое умение держат в уме. Они как бы все знают, все понимают, но, как мой спаниель Том, сказать не могут. Поэтому их понять трудно или невозможно.

Еще Свифт говаривал, что Гулливерам живется нелегко. Он оказался прав.

С трудной и неспокойной жизнью, Ростислав Владимирович! С днем рождения для битвы и победы!

Василий КОЗЛОВ.

***

Райская птица сказала мне так:
"В рай, дорогой,
не прорвешься за так.
Там ведь и слева, и справа
Грозные ангелы, Слава!"

Рдели зарницы на тонких крылах...
Райская птица сказала мне: "Ах,
Жил ты — не думал
о добрых делах.
Вот бы одно бы хотя бы —
Мы бы прорвались туда бы!"

Надо же — райская птица! В нее
Заочно глядело жулье и пьянее
В цирке, в пещерном отсеке,
Крепко заплеванном всеми.

Пахло тут выгулом, как ото паса,
Грязно хрипела с экрана попса...
"Ладно! — сказал я несмело, —
Сходим на доброе дело!

Может быть, женщину ту полюбить,
Что обещала единственной быть?!
Птица ответила "Шлюхи
Все они. Вплоть до старухи".

"Вот что!
Я с миром природы сольюсь!
С полем, с тайгою!
Ну разве не плюс?"
Райская птица сказала:
"Ты не Дерсу. Не Узала".

Да уж... Я водки стакан заказал.
Выпил его. Завязал. И сказал:
"Выйду из мира. За дверью
В Бога возьму и поверю!"

"Ты-то поверишь ему, как судьбе.
А вот поверит ли он-то тебе?!
И райская птица вздохнула
Со спинки железного стула.

Значит, в раю мне уже не бывать.
Снова — с холодную
бабой кровать...
Скука работного дома...
Штучный отдел гастронома...

Вечер. Слезится нагар на свече.
Райская птица сидит на плече.
Шлялись мы с ней, где попало.
Медленно дремлет. Устала.

Райская птица поет иногда.
Жаль мне, что в скучные эти года
Все, кто пока еще дышит,
Не видят ее и не слышат.

ЗАБАЙКАЛЬЯ ЧУДНЫЕ УЗОРЫ

Век технического прогресса и экономических проблем отрадно замечать не только то, что не устарели традиции народной песни, но и то, что сохранились сами коллективы вопреки всему. Один из таких ансамблей — "Забайкальские узоры" нынче отмечает свой 20-летний юбилей. Трудовой стаж его начинался в далеком 1977 году, будучи ансамблем народных инструментов при училище культуры с художественным руководителем Н.В. Сыроватка.

Артисты исколесили с гастролями область, выезжали в крупные города, по праву стали считаться лучшим народным коллективом, визитной карточкой Читы и даже всего Забайкалья. К юбилею готовится новая концертная программа, местные мастера шьют костюмы. Однако денежные трудности, затронувшие "Забайкальские узоры", по-прежнему волнуют руководство коллектива — будут-не будут учтены их проблемы при создании нового бюджета.

Гульнара КЛИМОВИЧ.

СТОИТ ЛИ ТРЕВОЖИТЬ ЭТОТ ПРАХ?..

(Главы из книги)

Лишь часть исследователей связывают место захоронения великого завоевателя Чингисхана с местом его рождения (о чем подробно рассказывалось в № 10–11 этого года "Читы литературной"), есть и другие версии. Но прежде, чем мы перейдем к рассказу о тайне погребения, напомним некоторые штрихи его биографии.

По-видимому, в 1183–1206 года Тэмуджин, так звали его в то время, разгромил основных соперников в борьбе за власть над степняками, и вожди главных монгольских родов на курултае в 1206 году провозгласили его великим ханом, присвоив титул "Чингис" (предположительно, от тюркского "тенгиз", то есть "море", "океан"). Это должно было означать, что Чингизхан — это властелин с безбрежной "от моря до моря" — властью.

В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

Умер Чингисхан во время похода в тангутское государство Си-Ся. Место и время его смерти хорошо известны, ибо в то время его сопровождали официальные летописцы. Об этом говорится в уникальной исторической хронике "Монголын нууц товчоо" ("Сокровенное сказание монголов"). Произошло это 12 июля 1207 года. И начался тайный путь тела страшного старца к месту погребения.

Известно, что у древних народов существовали различные способы тайных похорон своих вождей. Можно вспомнить египетских фараонов, правителей древних государств Южной Америки или древнего Китая. Вестготы, к примеру, похоронили своего любимого короля Алариха в полном вооружении и с сокровищами на дне реки, заставив пленников отвести воду, а затем, после погребения, вернуть реку в ее прежнее русло. Пленников же перебили. Когда умер великий полководец гуннов Атилла, то, по преданию же, его тело положили в три гроба — золотой, серебряный и железный — и ночью похоронили с богатою добычею в пустынном месте. Пленников, помогавших рыть могилу и нести гроб, как и в предыдущем случае, уничтожили. Тайна этой могилы также не раскрыта до сих пор.

А вот, что написал об обычаях монголов знаменитый путешественник XIII века венецианец Марко Поло: "Всех великих государей, потомков Чингисхана (так писалось его имя в "Книге Марко Поло", изданной в Москве в 1955 году — авт.), знайте, хоронят в большой горе Алтай; и где бы ни помер великий государь татар, хотя бы за сто дней пути от той горы, его привозят туда хоронить. И вот еще какая диковина: когда тела великих ханов несут к той горе, всякого, кого повстречают, дней за сорок, побольше или поменьше, убивают мечом провожатые при теле да приговаривают: "Иди на тот свет служить нашему государю!" Они воистину верят, что убитый пойдет на тот свет служить их государю. С конями они делают то же самое. Когда государь умирает, всех его лучших лошадей они убивают, на тот конец, чтобы были они у него на том свете".

МОНГОЛЬСКАЯ ВЕРСИЯ

Еще в начале 20-х годов первый председатель Комитета наук МНР О. Жамьян предпринял некоторые действия по установлению места рождения Чингисхана, ибо предполагается, что оно и может быть его местом погребения. Он высказал предположение, что таковым является местечко под названием Гурван нуур, что в Хэнтийском аймаке. Это предположение поддержали, естественно, многие монгольские ученые. Более того, в 1962 году в честь 800-летия со дня рождения Чингисхана именно здесь был сооружен памятник создателю Монгольского государства. И несмотря на то, что в определенные периоды в МНР на исследования, связанные с жизнью и деятельностью Чингисхана, по сугубо политическим мотивам, накладывалось определенное "табу", они практически никогда не прекращались, а в конце 80-х — начале 90-х годов, опять-таки в силу политических причин, получили новый мощный импульс.

В апреле 1989 года в выходящих на русском языке "Новостях Монголии" появилось интервью с известным монгольским археологом Намсрайном Сэр-Оджавом, который в течение многих лет занимался поисками могилы Чингисхана.

"...тело Чингис Хаана (так звучит это имя в монгольском варианте — авт.), — утверждал он, — было привезено и похоронено в Хэнтийских горах, а вот где именно—это и предстоит выяснить. Хотя для нас факт захоронения Чингис Хаана в Хэнтийских горах бесспорен, за рубежом еще продолжают утверждать, будто его могила находится вне Монголии". В данном случае он имел ввиду не только и даже не столько российские версии, сколько китайские.

Н. Сэр-Оджав выдвинул две гипотезы о местонахождении могилы Чингисхана. Наличие этих двух версий еще раз подтверждает, что абсолютной уверенности нет даже у самых ревностных приверженцев "монгольского следа" этой тайны. Это понятно, ведь целый ряд экспедиций, пытавшихся практически доказать верность этих теоретических изысканий, постигла неудача.

Так, в 60-х годах монгольский археолог Д. Пэрлээ и ученый из ФРГ Шуберт, основываясь на сведениях из "Сокровенного сказания монголов", провели совместные изыскания на территории аймака Хэнтий, окончившиеся безрезультатно.

Были уверены в своем успехе и члены совместной монголо-японской экспедиции, начавшей свои поиски в начале 90-х годов. Более того, как писала летом 1991 года лондонская "Санди Таймс", "она уже близка к обнаружению захоронения Чингисхана". "После десятилетий тщательных исследований, — сообщала эта газета, — монгольские ученые указывают на удаленную изолированную гору в пустынях Северной Монголии, где, по их мнению, был похоронен этот "завоеватель всех людей". Японские ученые, используя спутниковые данные в комбинации с аэрофотосъемкой с вертолетов, а также сверхчувствительную электронную аппаратуру, способны обнаружить подземные полости, которые могли бы быть могилой Чингисхана, либо одного из 13 его преемников. Эти 14 могил включают, по всей вероятности, также могилу хана Хубилая, его внука, который правил Китаем".

В середине 90-х годов информационные агентства принесли новое сообщение. Речь шла о том, что "преуспевающий американский бизнесмен и историк-любитель Мори Кравитц готов истратить пять миллионов долларов на поиск легендарной могилы Чингисхана на территории Монголии. Он заявил об этом после визита в Улан-Батор, где, по его словам, подписал соглашение с монгольским правительством." Далее говорилось, что М. Кравитц хотя и любитель, но еще и своего рода подвижник, ибо сбору информации об этой тайной истории посвятил 34 года из своих 62 лет. Он настолько был уверен в своем успехе, что, видимо, буквально заразил этой уверенностью и всех окружающих. ...

КИТАЙСКАЯ ГИПОТЕЗА

Уже упоминавшаяся "Санди Таймс", свою статью, посвященную монголо-японской экспедиции 1991 года, закончила следующими словами: "Многие монголы так же надеются, что находка захоронения положит конец китайским притязаниям на то, что оно находится все же на территории Китая, а сам Чингисхан был не монголом, а китайцем".

Не будем вступать в спор относительно национальности великого Чингисхана, а вот, что касается места захоронения, тут не все так уж однозначно.

Во-первых, в мире особенно широкое распространение получила такая вот легенда, вошедшая во многие западные научно-популярные издания:

"Когда умер Чингисхан, тело его было предано земле среди бескрайней степи. Место, где лежал кровавый воитель, не отмечено ни единым кустиком, ни деревцем. Но даже этого показалось мало, и вот, чтобы скрыть малейшие следы, через степи прогнали гигантский табун лошадей в десять тысяч голов". А этот кусок степи мог находиться не только в современной Монголии, но и в современной Внутренней Монголии КНР...

Во-вторых, есть и более конкретные версии, которые в первую очередь и пытаются оспорить монгольские историки.

"Достоверно известно, — рассказывал Н. Сэр-Оджав, — что проезжая через Ордов (местность в нынешнем автономном районе Внутренняя Монголия Китая) колесница (в которой покоилось тело умершего владыки — авт.), а она была весьма массивной, застряла в непролазной грязи. Дальше, как гласит легенда, один из приближенных Чингис Хаана подошел к колеснице и сказал следующее: "Твое государство, твои верные воины, твои родные монголы, твои подданные, твое родное место Дэлуун болдог еще далеко" и после его слов колеса экипажа сами пришли в движение. Насколько это достоверно, неизвестно, но в честь этого или какого-то другого события решено было на этом месте поставить юрту, оставить в ней некоторые предметы из гардероба Хаана и каждый год совершать здесь жертвоприношения. В последующем местонахождение этой юрты стало служить отправной точкой для утверждения о том, будто бы Чингис Хаан похоронен в Ордосе".

ВСЕ ПУТИ ВЕДУТ К... ОНОНУ

Выше упомянутой легенде вновь упоминается местечко Дэлуун болдог, или Делюн-Болдог. Это-то и есть то место на реке Онон, где родился Чингисхан. А вот, что говорится в "Сборнике летописей" Рашид-аддина, на который ссылаются многие исследователи:

"Дело обстояло так: однажды Чингисхан был на охоте; в одном из этих мест росло одинокое дерево. Он спешился под ним и там обрел некую отраду. Он сказал: "Эта местность подходящая для моего погребения! Пусть ее отметят!" Во время оплакивания люди, которые слышали тогда от него эти слова, повторили их. Царевичи и эмиры, согласно его повелению, избрали ту местность для его могилы". Речь шла о месте, которое находится в пределах хребта Бурхан-Халдун, из которого вытекают реки Керулен, Гола и... Онон.

В начале 90-х годов директор Агинского окружного краеведческого музея

Александр Баринов

Ж. Доржиев, в течение многих лет ведущий самостоятельное исследование, посвященное тайне захоронения Чингисхана, совместно с агинским журналистом Ц. Гонгоровым провел экспедицию на реке Онон. Побывали они и на легендарном острове Делюн-Болдог. "При обследовании нами местности вблизи сел Цасучей, Икарал, — сообщал автору этих строк Жигжитжаб Доржиевич, — мы обнаружили и места, соответствующие тем описаниям, что приводятся в записях французского ученого К. д'Оссона, на которые обычно ссылаются многие исследователи".

Так что, скорей всего, убежден Ж. Доржиев, могила великого воителя находится на дне реки Онон, которая за прошедшие столетия многократно меняла свое русло.

С этим мнением во многом согласен читинский археолог и журналист Валерий Немеров, так же в течение многих лет изучавший жизнь и деятельность Чингисхана. Он сформулировал свою версию этой легенды.

"Чингисхан на склоне лет возил с собой гроб, выдолбленный из цельного дубового кряжа, выложенный внутри золотом. Когда он скончался, его уложили в гроб сыновья. Руки Великого кагана сжимали рукоять отточенного меча. По обе стороны гроба были положены лук со стрелами, нож, огниво и золотая чаша для питья, — писал он, придерживаясь версии о том, что это захоронение должно быть достаточно богатым. — Чингисхан завещал похоронить его на родине, возле местечка Делюн на реке Онон. Завернув гроб Потрясателя Вселенной в войлок и положив на двухколесную повозку, запряженную двенадцатью быками, монголы направились в Коренную орду... По завещанию Чингисхана, рабов заставили углубить протоку Онона и перекрыть основное русло реки. Работы велись день и ночь. Множество рабов утонуло и было истреблено охранниками. Когда вода ушла от подножья скалы, рабы углубили подводную пещеру до огромного зала. В эту пещеру уложили гроб с Чингисханом и несметные сокровища со всех захваченных монголами земель...

ТАЙНА, КОТОРУЮ СТОИТ ХРАНИТЬ...

Очевидно, — считает Ш.Н. Цыденжапов, автор изданной в начале 90-х годов в Бурятии книги "Тайна Чингисхана", — Чингис оказался дальновидным по сравнению с некоторыми правителями, если он, в отличие от них, перед смертью дал наставление детям о тайном погребении своего тела и тем самым предотвратил надругательство злоумышленников над его захоронением". "Предположительно, — писал этот исследователь, — что оскорбление духа великого сына своего времени может навлечь беду на целые народы. Таким образом, следовало бы прекратить всякие акции, которые могут потревожить могущественный дух предводителя общемонгольского государства".

Известно же, что другой знаменитый восточный завоеватель Тамерлан однажды произнес магическое заклинание: "Всякий, кто нарушит мой покой в этой жизни или будущей, навлечет на себя неминуемую гибель и позор". По личному распоряжению Иосифа Сталина, группа ученых обследовала усыпальницу грозного властелина и тем самым нарушила покой его праха. И что ж? Ничего, если не считать того, что вскрытие произошло в 5 часов утра 22 июня 1941 года..! Конечно, это может быть роковым совпадением, но стоит ли рисковать еще раз, проверяя верность такого рода гипотез. Думается, не стоит.

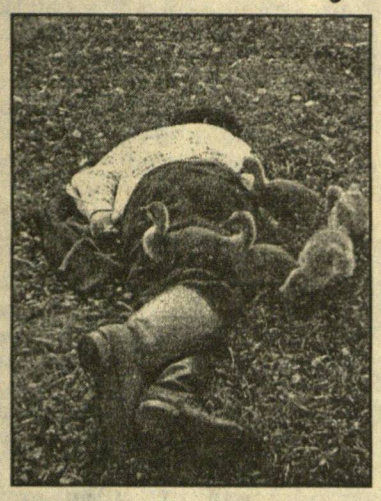
■

ДРЕБЕЗГИ

С НОВЫМ ГОДОМ!

КРЕПКОГО ВАМ ЗДОРОВЬЯ И ВСЕХ ЗЕМНЫХ БЛАГ

Гуля Климович

КУПЛЕТОЧКИ ДЛЯ ДЕТОЧКИ ПРО НОВЫЙ ГОД

К папе, сыну, маме
Едет Дед Мороз,
Золотые сани
Им подарков вез!
Ой-ой, поскорей,
Дед Мороза нет добрей!

***

Елочки иголочки
Распушили,
В магазины с полочками
Заспешили!
Ой, люли, ой, люли,
Все подарки подмели.

***

Горка снежная
Очень нежная,
Словно в пух она
Вся окутана!
Ой, люди, да ой, люди,
На всех горки подели!

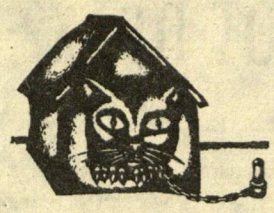
***

Выезжали на дорожку
Автомобили
И Мороза понемножку
Подвозили!
Видели, видели
Дяденьки водители!

***

А папа и мама
Празднику рады,
Из чемодана
Достают наряды!
Раз наряд, два наряд.
Три шеренги, один ряд!

Николай Рудинец

Автор—непрофессиональный юморист, но под его усами (как вы догадаетесь по прочтении) таится лукавина. Впрочем, судите сами...

СИЖУ И НЕ РЫПАЮСЬ

По таинственным причинам кошачьи предзнаменования неодинаково реализуются людям. Одним, как бы они ни тьфукали, перебежав дорогу, кошки приносят несчастья. Другим — "ни холодно, ни жарко" от их мельканий, а если эта тварь соизволит пересечь путь англичанину, да еще и обратно, то джентльмен обалдеет от такого внимания к своей персоне.

Я не придавал значения кошачьим выкрутасам перед собой до тех пор, пока меня "не взял" матерый черный котяра. Выхожу ранним утром из подъезда с мусорным ведром, а из соседнего вынырнула соседка и, увидев меня, заулыбалась: мужчина с грузом — к удаче. Не успел я ее поприветствовать, как он и прошмыгнул между нами. Присел в сторонке, зыркнул на меня желтыми глазищами и, прижав уши, отрывисто мявкнул, словно приказал:

— Сиди дома и не рыпайся!

Соседка испуганно ойкнула и, сказав, что забыла выключить утюг, стремительно скрылась в подъезде. Я же, усмехнувшись, мужественно проследовал дальше по мусорному пути.

Вхожу домой, а на мою голову взволнованная жена обрушивает неприятнейшую весть:

— Только что позвонила невестка. Внук заболел. Бери машину, надо успеть свозить его на анализы и попасть на прием к врачу.

По-разному относятся новоиспеченные дедушки и бабушки к своим обязанностям. Некоторые, не дожив до возраста Христа и "заполучив" это звание, явно чувствуют себя не в своей тарелке. Невольным свидетелем такой стеснительности однажды стал я. Еду в автобусе, на остановке входит, озираясь, моложавого вида мужчина с девочкой на руках. Неумело посадив ребенка на освободившееся место впереди меня, он, втянув голову в плечи, стал лихорадочно шарить по карманам своей куртки. Не украл ли он ее, — подумал я и стал пристально наблюдать за ним, но девочка внесла ясность:

— Дедушка, — обратилась она к мужчине. Он быстро наклонился к ней и зашипел:

— На людях не зови меня дедушкой! Посиди одна. Я куплю билет у водителя и вернусь.

Откуда этой крохе было знать о народной молве, что если деда зовут дедушкой, то он спит с одной бабушкой, а если дед — то еще ни-че-го...

Отсутствие деда затянулось и, испугавшись, что он забыл про нее, внучка плаксиво напомнила о себе:

— Ба-ба...

Тут же объявился маскирующийся дед и пуще прежнего зашипел:

— Нет уж! Лучше ты зови меня дедом, чем бабой! — окончательно запутав внучку.

Но есть и такая категория предков, которые "в доску расшибутся" ради внучат. И, если положить на чаши весов их любовь к деткам, — с одной стороны, а с другой — к внукам, то еще неизвестно, какая из них перетянет.

К таким неистовым бабушкам относится и моя жена.

Подогнав автомашину к дому и поставив напротив окон своей квартиры, я зашел домой пошвыркать чаек.

Выходим, а колеса нет — украли! По вызову оперативно прибыл милицейский "бобик" и по "горячим следам" прошвырнулся внутри микрорайона, но следы, видимо, быстро остыли, и он ни с чем подъехал опять к нам. Из него вышла молодая женщина и, представившись следователем, начала меня "пытать".

— ...Назовите номер авторезины на украденном колесе?

Купив авторезину и переобув своего "коня", я не записал номеров и теперь под пристальным взглядом милиционерши почувствовал себя соучастником преступления, но вдруг вспомнил, что на украденном колесе на протекторе вырван клок резины в результате езды по "заасфальтированным", дождем городским "закапканированным" улицам, и радостно сообщил ей об этой щербинке.

— Вы что? Предлагаете объявить розыск по этой щербинке? — усмехнувшись, спросила она и, хлопнув дверью "бобика", уехала.

Поставив запаску и взяв внука, мы подъехали к детской поликлинике с большим опозданием. Там уже сформировалась очередь из нервных мамаш с орущими и хныкающими чадами, но жена, проявив находчивость, втиснулась в нее с внуком, наказав мне — ждать!

Время ожидания я решил потратить на ремонт проколотой камеры, валявшейся в багажнике.

— Не мучайся, батя! Купи у меня целое колесо с диском. Отдам за полцены. Деньги очень нужны, — вдруг услышал я коммерческое предложение. Скрывая интерес, я посмотрел на короткостриженного "сынка", бесшумно подошедшего ко мне, и недовольно буркнул:

— Деньги всем нужны. Старье какое-нибудь?

— Обижаешь! Сам оцени.

Подведя меня к рядом стоящей иномарке, наполненной пацанами, и открыв багажник, он широким жестом пригласил меня к осмотру товара. Колесо было почти новое и протектор подходил. Но бросив на него равнодушный взгляд, я вяло сказал:

— Взять можно, да с собой нет денег.

— Сгоняй домой!

— Не успею. Жена с внуком вот-вот выйдет.

— Да ты не волнуйся, мы ее предупредим. Как она одета?

Этот вопрос застал меня врасплох. Я напряг память, но не смог вспомнить, что же она напялила на себя. В моей памяти отложился один летний костюм, разукрашенный под хариуса, в котором она часто щеголяла и, обрисовав его, я погнал за деньгами.

Подъезжаю обратно и вижу — внук сидит на лавочке, а перед ним нервно мотается жена, будто бы не предупрежденная.

— Я же тебя просила не уезжать! Теперь опоздаем к врачу! — гневно встретила она меня.

Я с укором посмотрел на "сынка", подкатившего колесо.

— Ты же говорил, что она косит под хариуса, а эта в черном.

— Странно... Когда она переоделась?

Услышав наш разговор, жена завелась:

— Я для тебя пустое место, прозрачная. Это сверхнаглость...

Взяв деньги, "пацаны" отшуршали на иномарке, бросив мне:

— Не завидуем мы тебе, батя!

Я стал молча укладывать колесо в багажник, зная, что теперь только сногсшибательное событие смогло бы заглушить жену, набравшую обороты. И вдруг, увидев на колесе знакомую щербинку, от неожиданности громко вскрикнул:

— Вот это сверхнаглость! Они продали мое же колесо мне!

Жена на полуслове заглохла и уставилась на меня.

— Ты хоть номер иномарки запомнила? — обвиняюще спросил я.

— Нет, — растерянно замигав глазами, ответила притихшая жена.

— Раззява! — рявкнул я на нее и нажал на газ.

На прием к врачу мы не успели.

В общем, этот "бесовский камертон" так настроил меня, что теперь стоит моему пути пересечься с кошачьим, как "сюрпризы" начинают сыпаться на меня, словно переспевшие шишки с кедра.

Набив шишек, на будущее зарекся — знаменет мне кот, кошка, ко-те-но-чек любого цвета и даже облезлый, все — сижу и не рыпаюсь.

ПОЭЗЫ

Зм. Горыныч

— С легким паром! —
вздохнула баня.
— Славный парень, —
сказала Маня.
Чуть пригубились,
чуть извинились.
Сразу влюбились
и поженились.
— Славный парень, —
шептала Маня.
— Дурень ты, дурень, —
вздохнула баня.

***

Когда коньяк уже не пьется,
охоты нет стрелять в окно,
когда и песня не поется,
и всем наскучило кино,
когда усталость тянет в кресло,
когда объяла вас тоска,
пусть напружинится и треснет,
и вдруг "Обломится доска...!"

***

Один финансовый маньяк
сказал однажды просто так:
— Ты знаешь, что такое рынок?
Да, подожди, не возражай:
когда тебе заедут в рыло,
ты тоже смело заезжай.
Был разговор крутой и резкий,
и даже нервный, потому
я, изготовившись к поездке,
заехал все-таки ему!

***

Бука и Чача живут в Букачаче.
Дуль и Дурга кое-где в Дульдурге.
Но, не имея ни виллы, ни дачи,
бродит Кал Га
по бездомной Калге.
Магда и Гача, собравшись
в Могочу,
вдруг в Мадагаче закончили тур.
Хохо и Туй в Хохотуе хохочут:
— Что ж, мол, Онон
не впадает в Амур?

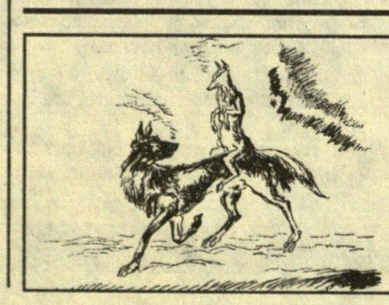
Александр Кошохов

Разговор с медведем

Выхожу один я на берлогу.
предо мной большой
медведь стоит.
—Ты один?
—И слава, паря, Богу, —
он мне тихо-тихо говорит...

Сергей Лищенко

Чтобы зубы не болели,
пассатижи надо взять,
и зазубренной стамеской зуб
слегка поковырять,
все напильником зачистить,
издавая страшный вой,
а опилки, что остались,
смыть соляной кислотой.
Если боль не прекратилась,
то включите яркий свет,
прошлифуйте зубы пастой
ГОИ или "Бленд-а-мед",
После—все прополоскайте
вы соленою водой.
И забудете о боли!
Если вы еще живой,
то устойчивую свежесть
и свободу (от зубов)
ощутите так, как это—
мой совет лишь для злобов.

Кроме тонкости пера художник Юрий Круглов владеет уникальной способностью находить, казалось бы, в тривиальных ситуациях достаточно любопытные повороты. Вот одна из иллюстраций к русской сказке, которая, надо полагать, на слуху у всех.

ИЗДАТЕЛЬ
ООО «Азия-пресс»
Тел.: 23-90-08, 23-88-16
Выходит один раз в месяц.
Зак. № 2566
Набор и верстка
АО СТС г. Чита.
Печать в обл. типографии.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Леонид Аверьянов,
Николай Березин,
Александр Потяев,
Михаил Вишняков
(шеф-редактор),
Георгий Граубин,
Рюрик Карасевич
(отв. секретарь),
Игорь Портнягин,
Вячеслав Толкалин